

Анатолий Апостолов

ЯНВАРСКИЕ ОПЯТА

Секретно

Телефонограмма № 66
Г. Москва, МВД СССР 21 января 1977 года.

В честь шестидесятилетия Великой Октябрьской социалистической революции и успешного выполнения государственного плана 2-го года 10-й пятилетки

ПРЕДЛАГАЮ:

- 1) всем руководителям и работникам Управлений лесных исправительных трудовых учреждений (УЛИТУ) поддержать инициативу передовых предприятий лесных ИТУ, объявивших февраль и март месяцами ударной работы по заготовке и вывозке древесины, и обеспечить выполнение в I квартале более 35% годового плана лесозаготовок;
- 2) на период ударного двухмесячника лесовозным экипажам, лесозаготовительным участкам и бригадам организовать двухсменную работу по заготовке и круглосуточной вывозке древесины;
- 3) установить ежедневное рассмотрение хода ударной работы, широко применять моральные и материальные поощрения;
- 4) сотрудников УЛИТУ, отличившихся в период ударного двухмесячника, представлять для поощрения в МВД СССР.

Министр
Внутренних дел СССР Н.А. Щелоков

Великан и богатырь зоны, Николай Разин по прозвищу Тарзан сошел с ума утром 21 января 1977 года во время развода на работу.

Произошло событие для этих мест, что ни на есть самое заурядное - ещё один безумец пополнил собой скорбные ряды несчастных. Такие факты здесь быстро забываются, но этот прочно вошел в печальную историю Княж-Погоста.

Людей всегда волновала неразгаданная тайна безумия. Особенно то, неожиданное превращение нормального покладистого парня в некое, разумное, «умное», ласковое животное. Безумие сродни внезапной смерти, общему параличу, инсульту. Секунду назад жил, дышал человек, и вдруг – раз! И лежит он недвижимый, чужой и незнакомый, абсолютно незащитный! Минуту назад это был вполне рассудительный, взрослый человек, а сейчас перед тобой лепечет что-то несуразное малый ребенок!

Этот день можно было бы не работать - все равно производственный план за январь из-за жестоких морозов, частой поломки техники, скрытого и явного саботажа трещал по швам...

И тут уж ничего не поделаешь, хоть работай денно и ночью, без выходных и без отдыха. Короткий световой, морозный день, скудная пища, рабский труд, непосильные нормы....

У рабочих бригад нижнего склада и у вальщиков леса за весь январь был только один выходной день. Выходной можно было бы устроить и сегодня, но накануне, поздно вечером, была большая подача вагонов МПС на нижний склад и, во избежание штрафов, их нужно было срочно загрузить. А раз так, раз уж несколько бригад выходят на работу, то и остальные должны выходить.

Лесозаготовители на крытых машинах уже покинули зону - им долго ехать на свои участки: вначале по бетонке, потом по лежневке...

В этот день они выехали на объект охотно. Во-первых, сегодня их сопровождал хороший, «свой» конвой во главе с добрейшей душой и любимцем всех работяг, прапорщиком Совой. Во-вторых, в этот день намечался большой заброс на участки водки, анаши и табака через водителей лесовозов. А в-третьих, сегодня начальство колонии расщедрилось на дополнительное питание...

Зимний день короткий, а жизнь долгая. Очень долгая дорога на делянку. И долгая разминка после нее. А потом тщательная подготовка техники, организационные хлопоты. Ну, и работа в снегу по пояс, туда сюда, трешь-мнешь - вот уже и солнышко, и без того низкое, устало краснеет за черными, спящими глубоким сном елями...

А еще нужно отойти от «дури», анаши, и от слишком внятного на морозном воздухе запаха спиртного...

А некоторым еще надо найти тайничок на участке в тайге - для своих запасов на завтра и послезавтра, да и с собой в зону надо бы немножко пронести, а это ой как сложно...

Много забот, но зато в этих хлопотах быстро пронесется время...

А вот рабочим с нижнего склада, кроме дополнительной миски горохового пюре, ничего не светит. Им предстоит погрузка полувагонов рудстойкой, бревнами и пиломатериалами, увязка шапок, хождение по скользкому борту вагона и постоянный риск поскользнуться, упасть с трехметровой высоты и разбить себе череп, в лучшем случае сломать руку или ногу.

Вот потому озлобленно ежились под суровым, морозным ветерком черные шеренги и хмурыми были похожие друг на друга лица...

Вот потому и вышла на утренний развод в полном составе администрация лагеря от последнего прощающего прапорщика до самого хозяина, могущественного майора Музыченко...

Вот потому прежде истеричный, постоянно похмельный хозяин колонии был деланно ласковым и дружески настроенным:

-Ну что, хлопцы, сегодня надо ударно поработать! - не здороваясь, обратился майор Музыченко к глухой и враждебной черной стене. - Есть такое слово, хлопцы, - надо! Кровь из носу, но надо сегодня хлопцы, эти гребаные вагоны загрузить и выгнать на главную железку...

Там еще загнали на нижний склад два крытых вагона под спецзаказ - особо выдержанные пиломатериалы для Москвы. Это особый заказ МВД СССР! Слышите! Для МВД! Особый заказ! Постарайтесь, хлопцы, сделать все чисто, аккуратно, скоро и вовремя. А я вас поощрю, за мной не заржавеет! Признаю, дела наши плохи. Наша колония не на лучшем счету в Управлении. Это факт. Да, есть в этом и моя вина, и вина работников нашего подразделения, и вина вольнонаемных, но есть и ваша вина, охламоны вы эдакие! Вы не хотите работать, хлопцы, не хотите зарабатывать деньги себе на питание, своим семьям, родителям, женам и детям! Из 1100 осужденных только 523 человека выходит на работу и имеет на своих личных счетах деньги, а остальные паразитируют за... ваш счет, за счет государства...

- А вот о государстве не надо, гражданин майор, - раздался негромкий нагловатый голос осужденного Спилвы, - о советской власти мы знаем по ее чересчур доблестной истории.

-Молчать! - взвизгнул истошно начальник колонии. – Полемнику разводить будете на политзанятиях! Диссиденты хреновы!

Чтобы заглушить назревающий скандал и не погубить задуманное, из толпы администрации вышел замполит Антонов.

- Кончай базарить, ребята! Мы с вами по-хорошему, но и вы тоже – не борзейте. Надо загрузить эти вагоны во что бы то ни стало! Для решения этой архиважной задачи мы выделили дополнительные резервы – дополнительное, калорийное питание и оплату вашего труда по высшим расценкам, а в субботу я завезу в клуб самый новый фильм. Слово офицера! Выходим на работу, ребята! Нарядчик, выводите бригады!

- Если жрачка будет, гражданин лейтенант, то тогда пойдём, –пробухтел низким голосом бригадир грузчиков, Николай Разин...

- Обязательно! – обрадовано заверил его лейтенант Антонов. – Обязательно, а для тебя, Тарзан, персонально три порции в обед и в ужин! Два повара выходят с твоей бригадой на нижний склад.

- Только без обману, только без булды, гражданин начальник, только без обману, - пробормотал тускло, без всяких эмоций Тарзан и автоматически пошел в первой пятерке к воротам зоны.

Пересчет осужденных прошел, как никогда, быстро и четко, и через несколько минут все рабочие бригады, все две с половиной сотни человек уже были в окружении конвоя и возбужденно лающих собак. Командир батальона скомандовал, и первые пятерки, взявшись за руки, шагали по деревянной мостовой...

Заскрипели толстые доски под сотнями ног, завизжал под сапогами снег, и с каждым метром все четче и ритмичней гулко отбивался шаг идущей колонной. Встрепенулось воронье с приземистых, прогнутых снежными шапками крыш, в неистовом лае зашлись овчарки и потянули за собой замерзших конвоиров...

Длинная дорога, с двух сторон обнесенная путанкой –«спиралью Бруно» и простой, колючей проволокой, уходила круто ввысь, чуть левее кривой узкоколейки, туда, где за бугром клубился пар котельных и цеха технологической щепы, где пронзительно в морозном инее кричали маневровые тепловоза и автодрезины...

Черное небо оттеняло белизну снега, белый морок и бесконечную безнадежность. Яркие, слепящие электрические огни подтверждали власть полярной ночи, и казалось, что утро никогда не наступит...

В метрах пятистах от ворот зоны унылый широкий «проспект», пересекался своеобразным переулком, с разрывом колючей изгороди. Налево дорога вела на станцию и в вольный поселок, где уже вовсю светились окна гостиницы; а направо - к механическим мастерским и к тайге...

Здесь, у перекрестка дорог, последовала команда подтянуться и убыстрить шаг. Но как можно было его убыстрить, когда слева, за колючим ограждением, на углу уже стояло несколько фигурок озябших женщин, приехавших на свидание, которые задолго до выводки уже покинули свои теплые гостиничные комнатенки, чтобы увидеть, заметить среди безликой, страшной толпы родное лицо, переброситься с ним парой фраз, сообщить ему, что скоро, со дня на день, наступит долгожданное, томительное и мучительное свидание...

И вот она, угрюмая, черная громада, выползает из-за бугра, валит пар из сотен глоток, надрывный кашель и лай собак, крики конвоиров и тяжелый скрип шагов: р-р-рип, р-р-рип, р-р-рип!

И попробуй за сто–двести шагов в этой белой ночи небытия узнай в стайке женщин, сгрудившихся за колючей проволокой, свою единственную, родную и дорогую! Попробуй! Напряги свое зрение, свою память – во что она, любимая, была одета год назад? Кажется, это невозможно. Но нет, возможно. Их замечают, их узнают. И вот уже из колонны слышны крики:

- Надя! Приехала? Здравствуй! Когда свиданка?
- Коля! Я здесь! Коля, завтра!
- Мама!
- Сидоров Гена здесь!
- Сын! Азаров дал двое суток! Держись, сынок. Скоро увидимся!
- Мама! Это я! Грицко! Твой Грицко! Завтрева зустричь!
- Грицко! Грицко! Я туточки, кровинка моя!
- Молчать! Разговорчики! Прекратить! Кому сказано! Шире шаг!
- Сестренка, привет! Ты с мамой или одна? Наташка, это я, Сергей!
- Быстрее, шире шаг!

Сержант Груша и рядовой Надир Бедирханов, замыкающие строй, стали нервничать...

- А ну быстрее, кому говорят! – заорал сержант Груша и стал толкать в спину эзков последней пятерки...

И тут случилось то, чего никогда не было за всю историю зоны. От размеренно шагающего строя отделился громадного роста человек и, не спеша, свернул с главной дороги направо. Пошел, как ни в чём не бывало, в сторону механических мастерских, в сторону тайги...

Это было настолько внезапно, что все опешили... Колонна продолжала свой путь, а великан и богатырь зоны, бригадир грузчиков Николай Разин, по прозвищу Тарзан, размеренно шел своей, одному ему ведомой дорогой.

Нет, это не было похоже на побег, это был уход от белого небытия. Ходил и ходил человек изо дня в день вместе со всеми туда-сюда, туда-сюда, а потом решил: а зачем? А на кой? Вот тайга близко, совсем рядом, а там, в версте, а может, более, за механическими мастерскими, живет безумная, бедняжка Грета - не пойти ли к ней прямо сейчас и погулять с нею по топким болотам, поговорить с ней, безумной, обо всем и ни о чем. Только безумная и поймет его и накормит грибами, орехами и кисло-сладкой ягодой... Вот взял он и вышел из вонючего черного строя и пошел к ней.

Она там, она ждет его еще с прошлой, теплой осени, когда его, больного, вместе с другими обитателями санчасти погнали на болота в оцеплении солдат собирать клюкву для высокого начальства...

Там, в тайге, за флажками оцепления, он и увидел ее, Грету, сидящую голенькой на болотной кочке, покрытой изумрудным мхом. Она пристально, исподлобья смотрела на него и клала в свой изящный ротик ягодку за ягодкой и как будто говорила: ну, что медлишь, иди ко мне, не бойся, никто тебя не заметит, никто тебя не убьет, ведь я заговорила тебя от пули и от людской подлости...

И что интересно, только он видел безумную Грету, а остальные нет, как будто их всех поразила слепота... А впервые он увидел Грету на картинке в библиотеке колонии... Она растревожила его грубую душу, и он попросил библиотекаря рассказать что-нибудь о ней, и тот, как сумел, так и пояснил: мол, эта слепая девушка с невинной душой, когда прозрела, сошла с ума, увидев все ужасы, творимые людьми...

- Стой! Стрелять буду! – истерично завопил за спиной шагающего к тайге Тарзана конвоир. Клацнул затвор, и окрестность огласилась громким хлопком громадного, витого, сыромятного кнута... Тайга ответила эхом, зашлись в хриплом лае собаки, отчаянно закричали женщины, приехавшие на свидание. Но богатырь Тарзан спокойно продолжал свой путь...

И тут случилось то, что никогда не случалось в печальной хронике Княж-Погоста, случилось то, что потом стало легендой МВД: лейтенант Антонов, замполит зоны, в парадной форме, изо всех сил бросился догонять неторопливо уходящего прочь самоубийцу.

- Коля! Разин! Тарзан! Вернись в строй! Коля, вернись! Тебя сейчас убьют! Замыкающий колонну рядовой Надир Бедирханов, услышав выстрел, встрепенулся. Он не знал, что это был предупредительный выстрел, и радостно ухмыльнулся: какой мазила, с десяти шагов не смог свалить такого большого архара! В оступевшей от холода голове ярко вспыхнуло: «Отпуск – Дагестан – Избербаш – поселок Хунзах – река Аварская – Койсу – родной аул – мама – горы – свобода! Есть Бог! Есть Аллах! Аллах Акбар!» Один из лучших охотников Дагестана, самый меткий стрелок батальона, рядовой войск МВД Надир Бедирханов вскинул автоматический карабин. Мама, дорогая, любимая, помоги! Скоро увидишь своего единственного сына Надира! Мама, помоги! Проклятый мороз, проклятый край! Не гнутся пальцы, они не слушаются его! Но острый глаз охотника сразу определил, что такая крупная мишень даже на расстоянии полусотни шагов будет поражена! Надир прицелился и вдруг увидел бегущего к безумному зэку офицера в парадной форме. «Это их замполит! Успею!» – мелькнуло в голове охотника. Рука вздрогнула, и, когда офицер уже был рядом с черным гигантом, палец плавно нажал курок...

Когда хлопнул второй выстрел, лейтенант Антонов уж настиг Тарзана и правой рукой намертво вцепился в его бушлат. Тут и цвиркнула зловещая, равнодушная, стремительная пуля. Прошла смерть меж двух разных людей, связанных одной странной и страшной цепью обстоятельств. Цвиркнула, вжикнула и канула навечно в прошлое, а необстрелянный лейтенант не придал её смертоносному шмелиному звуку никакого значения.

- Не стрелять! Отставить! Прекратить стрельбу! – раздалась команда комбата...

Замполит Антонов схватил руки гиганта, и стремясь уловить взглядом его зрачки, сквозь прерывистое дыхание прокричал:

- Коля, ты куда? Ты куда направился?

- В тайгу... грибы... собирать, гражданин начальник, - медленно, с паузами через каждое слово, пробурчал Тарзан.

- Какие грибы, Коля, в январе? Там снег по горло, Коля! Вернись в строй...

- Там опята мерзлые... на стволах.. с осени... остались... Яборов сказал... шапку подставь... сами посыпятся... Марина Николаевна... с жареными опятами... вкусно, гражданин начальник... Там Грета клюкву... собирает... они похожи... они сестры... красавицы... вкусные... - невнятно бормотал себе под нос осужденный Разин.

К лейтенанту Антонову на помощь бросилось почти все начальство колонии, все те, кто решил в этот памятный день смерти великого вождя выйти на производственные объекты вместе с рабочими бригадами.

Грузные, рано располневшие от обильной, жирной, нездоровой пищи, ослабленные чрезмерными возлияниями, тяжело дыша и кашляя, они обступили замполита и зэка плотным кольцом, не зная, что делать и с чего начать... Только оперативник, старший лейтенант Петрухин смог выдавить из себя сквозь одышку несколько слов:

- Вам помочь... Федор Николаевич?

Увидев близ себя много, много людей, Тарзан стал топтаться на месте и медленно разворачиваться вместе с лейтенантом Антоновым. Свет ближайшего фонарного столба сделал видимым невозмутимое и даже немного отрешенное лицо богатыря... Замполит посмотрел ему в зрачки и все понял: это были глаза сумасшедшего.

- Коля, зачем тебе опята? Их надо собирать, отваривать, жарить... Возни-то сколько! А на кухне, в зоне, стоит целый противень жареной на смальце картошки! Ты слышишь меня, Коля! Целый противень жареной картошки с луком! Пойдем со мной! Пойдем на кухню!

- На кухню? – недоверчиво спросил Тарзан. – На кухню пойду. Жареная картошка? Картошка – это хорошо! Картошку с луком я люблю!

Гигант заметно оживился, едва заметная улыбка идиота тронула его застывшее лицо:

- На кухню я пойду... картошку я люблю... мослы переваренные люблю... Марину Николаевну люблю... окорок люблю... колбасы домашние свиные.. люблю... люблю... яичную колбасу... да, да. Пойдем на кухню, начальник, пойдем... Тарзан жрать хочет...

- Вот и хорошо! Вот и чудненько! – ласковым голосом пропел замполит и нежно взял под руку Тарзана. - Пойдем, Коля, пойдем, хороший!

Но там, где продолжали стоять рабочие бригады, снова грохнул выстрел. Послышались резкие команды, ругань, истошные крики женщин, в хриплом, неистовом лае зашлись овчарки. Через мгновение разнеслась уже автоматная очередь, а вслед послышалась команда начальника конвоя: «Садись! Ложись!» Две сотни осужденных рухнули на деревянную мостовую, кто плашмя, кто на колени, согнувшись в мусульманском поклоне... Запоздавших и самых медлительных заставили быть расторопными несколько трассирующих пуль.

- Мама родная! Конвой взбесился! – запаниковал майор Азаров. - Нам надо отсюда, ребята, когти рвать, пока не поздно! Сейчас эти чурки нас вместе с зэками перестреляют. Берем с собой этого симулянта и айда к механическим мастерским, а оттуда в зону... Я такие баталии на большом фаллосе видал!

На этот раз причиной возникшей суматохи стал рядовой Надир Бедирханов. Когда он понял, что промахнулся, что с этим неудачным выстрелом исчезли все его надежды на месячный отпуск в солнечный Дагестан, меткий стрелок и горячий лезгин впал в неистовство.

Он все видел, но уже не мог осмысливать увиденное, слепая ярость, азарт охотника овладели им. Конечно, он слышал команду не стрелять, конечно, он видел, что сумасшедший человек в бушлате остановился и с ним о чем-то разговаривает офицер в парадной форме, конечно, он видел, как лагерное начальство окружило черного гиганта, который, словно телеграфный столб, торчал посреди человеческих низкорослых столбушков...

Большая мечта всей его нынешней жалкой, бессмысленной, уродливой жизни, которой он жил в течение долгих, муторных дежурств на сторожевой вышке и в холодной койке вонючего барака-казармы, улетела вместе с пулей навсегда. И ему стало ясно, что до самого дембеля ему уже никогда не представится такой случай. Не понимая, что творит, он вскинул автомат и стал целиться в голову живой черной мишени.

Но убойному выстрелу было не дано прозвучать. Сержант Груша могучим прыжком сбил с ног тщедушного, маленького лезгина и навалился на него своим грузным телом:

- Ты что шизанулся, недоумок чернозадый, стрелок хренов?!

Отдай автомат!

Они стали кататься по скользкой мостовой. Лезгин никак не хотел отдавать оружие и истерично пронзительно кричал:

-Отпусти! Убью, убью! Отпусти! Всех убью!

-Я тебя сейчас задушу, как собаку, - прокричал могучий хохол и ловко, в одно мгновение, перевернул на спину разъяренного кавказца. Отчаянно, как снежный барс, лезгин стал отбиваться ногами от могучего сержанта. Здесь и прозвучала автоматная очередь, так напугавшая капитана Азарова... Тут и раздалась команда начальника конвоя лечь всем на снег... Но, слава Богу, стайка пуль унеслась в небо, на юго-восток, в сторону тайги... Сержант Груша, оседлав неистового лезгина, стал душить его автоматом... Рядовой Бедирханов захрипел, перестал дрыгать ногами, руки его ослабли. На помощь сержанту бросились конвоиры с собаками...

- Ишь, убить меня захотел, дохляк черный! – поднимаясь с автоматом

Бедирханова, сказал сержант. – В кондей он захотел, в штрафную роту он захотел, поганец! А ну вставай, что разлегся?!

Груша одной рукой поднял притихшего лезгина и другой, свободной рукой нанес кавказцу отрезвляющий удар по щеке.

- Очнись, горец, очнись, орел дохлый!

Подбежал начальник конвоя, отдал приказ:

- Сержант Груша! Возьмите с собой солдата и отведите рядового Бедирханова в часть на вахту до выяснения! Прапорщик Шулаев! Отведите вместе с замполитом Антоновым осужденного-нарушителя до вахты колонии и сдайте его надзорсоставу!

Потом приказал всем встать, выровнять ряды, разобраться по бригадам и продолжать движение в сторону нижнего склада. Колонна стала удаляться и вскоре скрылась за бугром, а рядовой Бедирханов поплелся под охраной на гаупвахту, бормоча себе под нос модную песенку: «Ты нэ печался, ты нэ прощался, вид жизн прэдумана нэ зря!» Ему стало все безразлично, он перестал думать, мечтать, на что-то надеяться... Он как будто провалился внутрь себя. В темном уголке души было спокойно и безмятежно.

А осужденный Николай Разин, по прозвищу Тарзан, пошел своей дорогой в зону, жрать до отвала жаренную на смальце картошку. На кухне уже ждет его большой противень, считай, почти ведро... Он все съест! Безумная Грета сделает из лесных ягод крутой компот... А напротив него будет сидеть и улыбаться ему самая красивая из всех женщин на свете, учительница русского языка и литературы Марина Николаевна. У нее такие красивые, аппетитные ножки и бедра, такие соблазнительные... что пальчики оближешь... Самая-самая-пресамая вкусная, сладкая, молодая женщина... Жизнь – прекрасна, жить можно и нужно!

Утреннее происшествие на разводе продлило рабочий день на два часа, съём бригад с объектов прошел поздно вечером. Чтобы не сорвать ужин, шмон делали поверхностно, в спешке, не обращая внимания на запах спиртного изо рта, не замечая явно обкуренных «дурью» и даже заметно выпивших. И хотя намеченное администрацией колонии задание было выполнено - все вагоны МПС были загружены, для начальства зоны и воинской части рабочий день продолжался.

Все собрались в штабе колонии в кабинете начальника майора Музыченко. Командир воинской части майор Губарев, командир роты капитан Рогозинский, командир роты старший лейтенант Малиновский. Собравшиеся были взвинченными, усталыми, продрогшими и голодными. Зная, что у многих офицеров-холостяков за долгий зимний день в нетопленных квартирах замерзла в ведрах вода и что бедолагам придется коротать остаток ночи в холодных постелях или же спать в красном уголке в казарме, начальник колонии решил их собрать и накормить, совместив приятное с полезным. Услужливый завстоловой осужденный Ларькин принес жареную картошку, большой кусок отварной говядины, огурцы, селедку, а прапорщик Лахоня прихватил изъятые в комнатах свидания две плоских бутылки спирта, две бутылки «Московской» и несколько банок шпрот из выданных вечером посылок осужденных. Хорошо, что бестолковые родственники осужденных продолжают класть в посылки консервные банки с тушенкой и рыбой и все прочее, что законом не положено!

Когда чокнулись разнокалиберными емкостями, выпили, крикнули и закусили, стали подводить итоги, обсуждать главное событие, как вывернуться из создавшегося щекотливого положения.

- Товарищи, - начал первым на правах хлебосольного хозяина майор Музыченко, - я не вижу в сегодняшнем ЧП ничего страшного! Да, произошла маленькая накладка. А разве можно все предвидеть? В этом деле я боюсь одного - огласки. Во время развода осужденных на работу было много родственниц, приехавших на свидание. Некоторые приехали из Москвы и Сыктывкара... Уверен, что слухи об этом событии

дойдут и до начальника Косланспецлеса полковника Мешкова, и до начальника политотделения КЛ 400 майора Черникова и до прокуратуры Коми АССР...

- Женщин, приехавших на свидание, я беру на себя. Я с ними, прежде чем запускать в комнаты свиданий, проведу разъяснительную работу, будут молчать до конца жизни, - успокоил начальника колонии капитан Азаров, - а что касается Черникова, то не в его интересах доносить на нас Мешкову. Он разве забыл, как сам грешил, когда был начальником колонии? Он думает, что если пошел на повышение, то схватил за рога все отделение? За большой член он схватил ОИТК-4, а не за рога! И оттуда выгоняют и звания лишают. Он будет молчать, Василий Филимонович. Он повязан с нами такими делами, он тут такое натворил, что нам с вами вовек не натворить... Пусть только попробует вякнуть, у меня на него такой компромат имеется, который даже жалобщику Спилве не снился. Да! Но всё же... Мне жаль, конечно, что этот солдат-чурка не застрелил Тарзана! Жалко! А теперь... Ах, что уж там...

- Успокоил ты меня, Виктор Петрович! Спасибо! – растроганно поблагодарил своего заместителя быстро пьянеющий майор Музыченко, - Однако, дорогие товарищи, посоветуйте, что мне делать с осужденным Разиным. Две недели назад он учинил погром в столовой, избил поваров и запер их вместе с Ларькиным в кладовке, сожрал почти всю дневную норму мяса; сегодня покинул колонну, чем спровоцировал стрельбу, и чуть не сорвал нам выполнение важного производственного задания. Жалко его! А ведь хороший работник, передовик производства, похвальные грамоты имеет. Кстати, где он сейчас?

- В одиночной камере дрыхнет! – живо отозвался капитан Азаров. - Я его, поганца, на пятнадцать суток в штрафной изолятор водворил! С ежедневным выводом на работу в промзону, чтобы он, шакал прожорливый, даром хлеб не жрал! Что ему сейчас, животному, нужно? Добрейший наш замполит Федор Николаевич Антонов, человеколюбец наш ненаглядный, скормил Тарзану чуть ли не целое ведро жареной картошки и десять парных котлет, которые были положены осужденным-язвенникам, поселковый врач вкатил ему успокоительный укол. Кайфует Тарзан! Не трудовая колония, а прямо-таки санаторий «У трех елок»! Наш замполит – наивняк, скоро ээки ему на голову сядут и на нем в светлый рай въедут! Эх, дорогой Федор Николаевич, выбрось, советую тебе, эту академическую дурь из головы, не доведет она тебя до добра... Обломает тебя, такого мягкотелого, зона! Сам не заметишь, как засосет тебя.

- Я уже три месяца здесь и, слава Богу, остался таким, каким и был...

- Посмотрим на тебя, эдак через годка два, каким ты станешь, красавчик наш ненаглядный. У бога всего много, а у черта еще больше... Трудно тебе здесь будет жить, товарищ лейтенант, трудно... без жены, без теплого семейного очага... Дамский вопрос здесь стоит весьма остро... Дефицит, пайком не положенный! - с горечью сказал Азаров на правах опытного старшего соратника.

Замполит покраснел, нервно заиграв желваками, но сдержался:

- Я со всей ответственностью хочу сказать, товарищи, что осужденный Разин не симулянт, а психически ненормальный человек, он сошел с ума! В академии МВД нам читал лекции по психиатрии виднейший ученый из института судебной психиатрии имени Сербского. Он неоднократно водил нас на учебные экскурсии в институт и научил отличать симулянтов от истинно психических больных. Да, психиатрия – тонкое дело, но случай с Тарзаном не требует особо изощренной научной диагностики. Предлагаю вызвать из Микуни опытного психиатра для общего обследования и отправить больного, осужденного Разина, в спецбольницу, в Ухту или в Абезь. А пока содержать его в отдельной камере, кормить на общих основаниях и колоть его барбиталами, барбамилом, а также аминазином...

Офицеры уважительно посмотрели на лейтенанта Антонова, налили

разбавленный спирт, чокнулись и выпили...

- Эх, мне бы ваши заботы, - удрученно проговорил командир воинской части 6589 майор Губарев, ревниво посмотрел на красавца замполита и смачно захрустел соленым огурцом... Ему уже было доложено верными шептунами, что жена положила глаз на Антонова со дня появления этого столичного павлина в таежном поселке. Сейчас баба совсем рехнулась: решила стать членом воспитательного совета ИТК-15, чтобы иметь возможность лишний разок увидеться с этим лощеным лейтенантиком...

-Мне бы ваши заботы, дорогие товарищи! А что прикажете мне делать с моим горячим лезгином?

- На губу его, а потом комиссовать, – не задумываясь, подсказал капитан Азаров.

- Легко сказать! У меня чуркестанцев больше половины состава! Русский язык не знают, команд не понимают, тупые и ленивые, почти все неполноценные, прямо уроды какие-то, калеки. Часто болеют. Здешний климат им вреден! Да что там говорить – в войска МВД военкоматы направляют одно барахло! Службу тянут хохлы да русаки, а этих южан можно только на вышках держать! А лезгина мне жалко, он самый меткий стрелок в части. Кто со мной на охоту на лосей и медведей ходить будет? А? Где мне без него добыть мяса для собак и солдат?! Мои конвоиры сжирают мясо, положенное овчаркам, а бедных псин кормят перловой кашей... Воровства в части больше, чем в зоне. Хорошо, что оружие и боеприпасы не крадут, а то хоть кричи: атас!

-Знаю! - перебил Губарева начальник оперчасти, студент четвертого курса заочного отделения Ленинградского юридического института Виноградов. - А еще знаю, что через чуркестанцев поступают в зону большие партии наркотиков, в основном из Туркмении и Узбекистана. Служить чурки не хотят, для этого притворяются тупыми. Некоторые из них ворочают большими деньгами. Всё делается через подкуп, вся преступность на нем держится, жиреет и матерееет. Бороться с нею становится всё трудней. В свои темные дела она вовлекает и сотрудников МВД, старослужащих и вольнонаемных, а что это за кадры, вы сами все знаете, не хуже моего. Конечно, с солдатами, особенно первогодками, надо работать. Часто бывает так: отслужит парень в войсках МВД, вернется домой, а родные в ужасе: уходил в армию одним, вроде нормальным, а вернулся другим. Те же повадки, те же манеры, та же уголовная психология... Здесь, я скажу, очень многое зависит от замполита. Чем, интересно, занимается замполит воинской части, товарищ майор?

- Как будто вы не знаете, - с раздражением заметил майор

Губарев, - тем же, чем занимался раньше ваш майор Концевой, который повесился в прошлом году... Что делает мой замполит? Ничего! То и дело впадает в длительные запои, бегаёт в одних носках по снегу и ищет самогон у местных жителей. Вот чем он занимается. Давно занимается. Все началось с того, что его жена пристрастилась ездить к поселенцам-лесозаготовителям... Ей там, видите ли, очень понравилось. Она там как царица Клеопатра – море удовольствий и куча денег. С тех пор он и пьёт горькую...

Офицеры удрученно замолчали. Майор Музыченко разлил спирт по стаканам и кружкам и произнес свой любимый неизменный тост:

-Выпьем, товарищи офицеры, за наше безнадежно-полезное дело!

В гробовом молчании все выпили, и только замполит Антонов не притронулся к своему стакану. На душе у него было зябко, неуютно и безысходно... Внутренний голос шепнул то ли ехидно, то ли сочувственно: «Ну и вляпался же ты, брат, по самые уши! Беги отсюда, пока не поздно, в свой солнечный, благодатный Краснодар к родителям, к семье...»

На мгновение он протрезвел, и его взгляду предстала неприятная картина:

овчинные, воняющие полушубки, засаленные и обтертые погоны, красные лица, жующие челюсти, грязные руки с черными ободками под ногтями, запах нездорового пота и неистребимая едкая вонь тюрьмы, которая пробивалась через крепкий запах одеколونا «Шипр».

- Эх! – нарушил паузу капитан Азаров и грохнул кулаком о стол. – Ничего, мужики, прорвемся! Мы не такое видели! Нам очень трудно! В тыщу раз трудней, чем на БАМе! Ведь сюда, к нам, в лесные ИТК, гонят всякую нечисть, всякую мразь, которая выбрасывается нормальным обществом... Здоровый организм избавляется от гноя. Гной накапливается в одном месте, гнойник увеличивается, вот-вот лопнет! Вы меня понимаете? Выпусти сейчас этот гной - и он зальет всю нашу страну! Это знал и учитывал великий Сталин! Может, вы сочтете меня круглым идиотом, но я вам скажу одно: внешний враг не так страшен, как внутренний. Выпусти сейчас мы на свободу всех этих инакомыслящих, воров, растратчиков, валютчиков, убийц, насильников, наркоманов и алкашей, завтра же великая страна погибнет. Мы здесь как врачи-санитары, как хирурги и терапевты! Мы должны этот гнойник вырезать, не давать ему расти и лопаться самому. Вы меня понимаете? Это хорошо! Но этого не понимают там, в Центре! Мы же не двужильные! У нас быт и досуг хуже, чем у этих вонючих зэков! А бедные наши жены и дети! За что они должны отбывать наказание? А мы еще обязаны быть и «педагогами-воспитателями» этих подонков, этих двуногих животных! Эх, куда хватили! Недавно прислали мне из политотдела ИТУ МВД СССР книжонку двух ученых-педагогов Высотиной и Лутанского, «Педагогическое руководство самовоспитанием осужденных». Каково? Ха! Ха! Ха!

Азаров смачно выругался и продолжил:

- Их бы сюда за уши, этих гребаных столичных педагогов, сюда, где полсотни пассивных педерастов, где в ПКТ сидит около сотни рецидивистов, где одна треть систематически уклоняется от работы, где офицеры кончают жизнь самоубийством, где солдаты отнимают мясо у служебных овчарок, где расконвойники уже выловили и съели всех поселковых собак!

И не надо, дорогие товарищи, вешать нос и бояться вышестоящего начальства. Если оно такое умное, пусть занимает наше место и устраивает здесь институты благородных девиц и академии педагогических наук! Моё предложение такое: не будем выносить сор из избы, не будем марать мундир офицера МВД! На вашем месте, товарищ майор, я бы этого лезгина поощрил, повысил бы его в звании. Лучший стрелок части - и рядовой. Безобразия! А что стрелял, несмотря на команду: так он же не слышал этой команды - у него уши были закрыты шапкой-ушанкой, притом в конвое был первый раз, опыта не было, все время торчал на вышке! Ах, да что там говорить! Замять нужно это дело, спустить на тормозах...

И еще одно. Я прошу вас обратить внимание на то, что надо избавить наших жен и дочерей от похотливых козлов-зэков. У меня лично и у начальника оперчасти Виноградова есть сведения, что два жида, пригревшись в механических мастерских (один – валютчик и фарцорщик, а другой - вор из управления Московской патриархии) через местных сводников решили использовать в роли проституток незамужних женщин поселка и даже несовершеннолетнюю дочь покойного майора Концевого. Честно предупреждаю всех присутствующих, что если поймаю этих козлов на месте преступления, то их кастрирую. Я им матки наизнанку выверну, я их загоню в кондей, где надзорсостав им сапогами отшибет яйца и сжарит из них яичницу...

- Виктор Петрович, уймись! Ты нас всех достал! – занервничал майор Музыченко. – Ты зачем это нам говоришь? Ты лучше эту жуть гони перед строем на утренней поверке!

- И скажу! Я с этим дерьмом не цацкаюсь, как сюсюкает с зэками наш замполит, - стал орать Азаров. - Я не только скажу, а я и сделаю! Сделаю такую козу, что весь

Косланспецлес вздрогнет! А если, не дай бог, эти взяточники из ОБХСС отдадут за мелкую растрату мою жену под суд, я возьму автомат и перестреляю и их, и местных жуликов, начиная от нашего интенданта, бабника Курганского, и кончая бабником – осужденным Ларькиным. Всех, кто обманул мою жену и подвел ее под растрату, – всех перестреляю и сам себя грохну! Вот увидите! Вы меня еще не знаете! Как вагонами лес налево, на Украину гнать – то можно, а здесь женщину обманули на несколько тысяч рублей – сразу под суд! Вот вам, суки, хутой-гнутой с солью и с перцем. Заглотните и подавитесь! Перестреляю всех гадов!

Поднялся шум, крики. Все стали успокаивать охмелевшего и разъярившегося капитана Азарова. Спирт, даже разбавленный, после сурового мороза в теплом помещении да еще на голодный желудок сделал свое коварное дело. В таком состоянии заместитель начальника колонии по оперативно-режимной работе был опасен и для осужденных, и для надзорсостава, и для сослуживцев.

Лейтенант Антонов понял, что пора уходить. Но уходить было некуда. В своей квартирке он не был с раннего утра, она вся простыла: в щитовом бараке надо топить круглые сутки, чтобы сносно скоротать ночь. Уже поздно растапливать печь, на кухне в чайнике замерзла вода. Антонов пробрался через галдящих, пьяных офицеров к майору Музыченко:

- Товарищ майор, до отбоя еще полчаса. Разрешите мне поработать у себя в кабинете над личным делом осужденного Разина. Надо поговорить с некоторыми осужденными и подготовить на него объективное заключение.

-Валяйте, лейтенант! - равнодушно махнул рукой Музыченко.

Его мысли были заняты другим: где бы найти еще довесочек, этак граммов двести-триста водочки, для полной, так сказать, кондиции, чтобы потом прийти домой и, не вступая в пустые разговоры с дочерью, рухнуть на постель, провалиться в сон, чтобы до утра ничего не слышать и не видеть. Умный, добрый, но слабовольный человек, он проклял тот день и час, когда решил поступить в Минское военное училище МВД...

Не с его характером работать в этой системе. Поначалу молодость и свойственная ей романтика как-то скрашивали мерзостную изнанку этой службы. Когда он прибыл сюда вместе с Азаровым из Белоруссии, то начал свою деятельность в должности начальника колонии с решительной ломки сложившейся еще со времен Берия системы, но не учел ни своих возможностей, ни дикости и моральной запущенности Княж-Погоста, нравов служащих воинской части, работников отделения ОТК-4 и его структурных отделов. Он быстро сдал свои позиции, убедившись в преступной круговой поруке местных бонз. Он больше не надеялся, что сделает хорошую карьеру и закончит службу «не клятым и не мятым» в Политотделе лесных учреждений, в Ухте, Микуни или в Сыктывкаре, а потом вернется снова на родину, в Беларусь. Местные князьки подмяли его во всех отношениях, сделали его зависимыми от них материально и даже в бытовом плане. Он полностью поддался влиянию начальника нижнего склада промзоны Чутуева, проходимца, авантюриста и махинатора, в прошлом судимого, отбывшего десять лет лагерей. Именно его, Чутуева, имел в виду капитан Азаров, когда кричал о хищении шести вагонов со стройматериалами.

Как-то незаметно для себя Музыченко утратил власть, которая так неожиданно свалилась на его погоны. Он превратился в тщеславного властолюбца, сделался пешкой в чужих руках, людей с низким интеллектом, но агрессивных, наглых, льстивых. А лесть любую сталь разъест. Да, он любит лесть, а кто её не любит? Вот и результат – его колонией управляют другие - блатной зэк, жулик-вольнонаемный и офицер МВД – торговец одеколоном, водкой и наркотиками.

Вскоре служба ему настолько опротивела, что новый рабочий день он стал начинать с двухсот граммов водки. Лишь только в состоянии подпития он легко и

уверенно переступал порог КПП, а в зоне становился смелым, решительным, находчивым. А когда водки не было, он пил «нежные» одеколоны «Тройной», «Жасмин» и «Ландыш», закусывая пахучее содержимое флаконов кусочком пиленого сахара. Процедура не из приятных, но зато потом было хорошо, «ароматно и благородно» на душе, а самое главное, не хотелось есть.

Скоро он стал запойным алкоголиком и был в своих запоях несправедливым, жестоким, мелочно-тщеславным, стал подражать во всем Азарову, которого раньше не уважал (да и сейчас в дни трезвости продолжает не уважать, зная его истинную цену). Азаров - трус, мстительный, злопамятный и подлый трус, все делает чужими руками. Случись сейчас в зоне заказное убийство, бунт, то к ээкам на переговоры выйдут лишь считанные офицеры: он сам, Музыченко, замполит Антонов, начальник оперчасти Виноградов, ДПНК, дежурный по колонии, капитан Михайлов, начальник отряда № 5 лейтенант Стром... Вот она, самая надежная пятерка... А остальные разбегутся как крысы, в первую очередь Азаров со своими сподручными – майором Хреновым, сержантом Грушей, прапорщиками Лахоней и Чурило и пыточных дел мастером, инспектором оперчасти Петрухиным.

Почти все местные начальники, гражданские и военные, осели тут прочно и основательно, некоторые навсегда, и цель у них была одна – накопить за счет даровой рабочей силы и несметных природных богатств Севера как можно больше средств, обеспечив себе сытую, «достойную» старость, а своим отпрыскам - надежный жизненный старт.

Смешной, но неоспоримый факт - почти у всех местных князьков при отсутствии дорог среди болот и непроходимой тайги недвижно, как в музее, стоят в запертые гаражах новенькие легковые машины. Стоят новенькие легковушки, еще в смазке, дожидаясь своего часа, чтобы быть погруженными на открытые платформы, вместе с разобранными срубами, и вслед за владельцами двинуться на «материк», в южную или центральную Россию на вольное счастливое житьё...

А он, Музыченко, ничего не накопил, не приобрел даже мотоцикл «Ява», даже... велосипед! А ведь у него дочь – вчерашняя десятиклассница. С убогими знаниями, полученными в лагерном поселке, не поступишь даже в Ухтинский лесной техникум... Она и не поступила! О вузе в Сыктывкаре или в Москве и мечтать не приходится... Нужны большие деньги, а где их взять?.. Живет с родителями, работает цензором колонии, вместе с дочкой Азарова, которую тот устроил в бухгалтерию ИТК-15. Обе имеют дополнительный к окладу навар... Дочка Азарова - за счет взяток за закрытие липовых нарядов на нижнем складе и на лесозаготовительных участках, а Музыченко-младшая по долгу службы читает письма родственников осужденных, расклеивает поздравительные открытки и извлекает потайные ассигнации. Бывает, что накануне больших праздников она приносит домой 300-400 рублей...

За последний год она неузнаваемо изменилась. В окружении тысячи голодных взглядов она похорошела, приосанилась, быстро созрела, превратилась в женщину. А жена, попав в эту яму, сразу опустилась, перестала следить за собой, сделалась сварливой, жадной и завистливой. Он стал замечать, что она, как и жены других начальников, сделалась барахольщицей – стала покупать ковры, хрусталь, мебель и разные побрякушки. Как и они, она сделалась вульгарной, циничной, быстро подурнела и пополнила... Ему было жалко жену, но жальчей всех себя и дочь, которая продолжала любить его...

А он, как и капитан Азаров, стал все больше ревновать дочь к чужим мужчинам. Вначале, как и Азаров, он лютой ненавистью возненавидел ээков, молодых и красивых, а потом - военных и вольнонаемных. В каждом он видел соблазнителя и губителя своей кровинушки, и никто, никто, по его мнению, не заслуживал чести быть его зятем. С каждым днем он убеждал себя, что в этих гиблых, гнилых местах

никогда ни у кого не может состояться истинное семейное счастье. Позднее к отцовской ревности добавилась и другая, мужская: в зоне он стал лютовать против смазливых зэков и богатых, имеющих в наличии большие суммы денег...

И если раньше он, будучи не в духе, в состоянии жуткого похмелья, сажал ШИЗО за невыполнение дневного задания целые бригады, то сейчас ходил по зоне и, прежде всего выискивал среди контингента зэков с внешностью донжуанов и похотливых козлов. Придирался ко всякой мелочи и лично водворял их в изолятор за ношение вольной одежды, за ношение волос, за косо пришитый нагрудный знак или за его отсутствие.

В редкие дни трезвости, когда приезжало с проверкой высокое начальство, он, анализируя свою жизнь, с ужасом отмечал наступающую деградацию, развал своей личности, осознавал неминуемую гибель...

Чтобы как-то снять душевную боль, он в конце рабочего дня вызывал в свой кабинет какого-нибудь осужденного с поломанной, необычной, сложной судьбой и допоздна «базарил» с ним о жизни. Выслушав откровенную, а иногда и сентиментально слезливую, трогательную исповедь, он успокаивался, веселел, ибо на фоне чужой страшной судьбы свои проблемы казались ему не такими уж и безнадежными... «Оказывается, у меня не так уж все и плохо. Жить можно!» - удовлетворенно итожил он очередную душераздирающую исповедь...

Раньше, когда у него возникали трудности в производственной сфере, он вызывал для таких бесед бывших хозяйственников, бывших начальников больших рабочих коллективов, которые схлопотали срок за халатность и «расхищение социалистической собственности», или за злоупотребления своим служебным положением. Интеллигентов, шибко умных, инакомыслящих, законников и книжников не любил. Почти все они оказывались неплохими психологами и уже в начале беседы моментально раскусывали его, начинали подыгрывать, нагло давать советы. В основном ему нравились откровенные, подробные «психологические» рассказы чистой воды растлителей, у которых были богатая, большая фантазия и хорошо подвешенный, образный язык.

Из довольно пестрого уголовного «букета» он выбрал троих, в личных делах которых беспристрастные документы хоть в какой-то мере отражали «страшные бездны души». Один из них якобы по пьянке изнасиловал свою восьмилетнюю дочь и был посажен в тюрьму женой, другой был сожителем матери-одиночки и ее дочери-девятиклассницы, которая якобы была не по возрасту роковой соблазнительницей. Чтобы избежать слишком сурового наказания, этот второй на следствии утверждал, что совершил свой гнусный поступок в стадии сильнейшего опьянения и добился своего – получил восемь лет вместо десяти...

А в колонии, в кабинете начальника, за кружкой доброго чая, разоткровенничался и признался, что полюбил дочку своей сожительницы первой настоящей любовью, что у обоих было «высокое, чистое, взаимное чувство»... Вот как бывает в жизни! Как в зарубежном фильме «Любовь под вязами»!

Но самым интересным собеседником оказался третий – осужденный Зилотов Сергей, по прозвищу Лот. По уголовному делу Лота на Западе уже давно был бы написан сценарий и снят захватывающий фильм в духе «Земляничной поляны» Бергмана (которую Музыченко с женой видел еще в Минске)... А история эта такова. Жена Лота Наталья ушла к другому мужчине, когда дочери было двенадцать лет. Вскоре она уехала с ним в другой город, оставив дочурку на попечение брошенного супруга, и с тех пор судьбой дочери особо не интересовалась. Ну, разве что позвонит раз в полгода, а потом и того реже. Зилотов был не красавцем, но и не уродом, так себе, мужчина обычной наружности, вырос в семье простого рабочего - обычный инженер-конструктор, оборонщик. Ему исполнилось тогда тридцать три – возраст Христа.

Уход жены к другому мужчине, более удачливому и перспективному, сильно повлиял на характер Лота: он замкнулся в себе, стал заниматься душевным самокопанием. Его прежняя вера в себя и в женщин была подорвана, и со вторым браком он не спешил, даже мысль о повторной женитьбе вызывала у него чувство тревоги и что-то вроде омерзения...

Были, были у него на работе незамужние сослуживицы разной масти, стати, уровня и внутреннего содержания. Но он всегда уверял себя, что суть их, меркантильных самок, одна...

Он отмахивался от них, как от назойливых мух, а их причитания о «бедняжке девочке, растущей без мамы и её ласки», грубо и решительно пресекал... Он полностью погрузился в свою работу, благо, что она у него была интересной, творческой, а свободное время отдавал воспитанию дочери. Ему это хлопотное и ответственное дело даже понравилось. Он заметил также, что с уходом жены его отцовские чувства обострились, усилились. Это заметили и сослуживцы и соседи по подъезду и стали его корить за слепую, безумную отцовскую любовь, которая может испортить девочку, избаловать ее, привить ей чувство завышенной самооценки, а может даже - о ужас! - убить в ней женственность! Но, обложившись педагогическими книжками по воспитанию подростков, он продолжал гнуть свою линию. Конечно, он ее баловал! Ха! А скажите, пожалуйста, кто, даже из самых суровых отцов, даже при живой супруге, не баловал свою любимую дочурку?! Все! Читайте, уважаемые советчицы, классику – она не лжет!

Да, баловал, да, бегал по галантерейным магазинам, да, имел дело со спекулянтами, брал подробные консультации у сотрудниц обо всем, что касается мира молодой женщины - начиная от моды и кончая гигиеной...

К счастью (или к несчастью?), дочь оказалась домашним ребенком, быстро освоилась со своей новой ролью молодой хозяйки... Он, как смог, помог ей освоить ведение домашнего хозяйства и организацию быта. Купил через секретаря партийной организации Пашагина дефицитную стиральную машину, гладил сам белье, ходил с ней по магазинам, стоял в очередях, готовил впрок на целую неделю первые и вторые блюда...

Чтобы девочка не замыкалась в семейном кругу, всячески поощрял ее дружбу с одноклассниками, разрешал ей приводить их домой, вместе готовить уроки, смотреть телевизор, ходить в кино на первый вечерний сеанс. Дочка была умницей не по годам и подружек себе подбирала тоже умненьких, рассудительных, серьезных, но дурнушек.

Да! Дочка у него была на редкость умной красавицей! Все ее подружки были дочерьми матерей-одиночек или разведенков и завидовали, что у неё такой молодой, трезвый, заботливый и любящий отец. Они почти все влюблялись в него. Это была чистая, еще подростковая, платоническая любовь. Дочь гордилась им и как он сам заметил, к некоторым подружкам ревновала...

Особенно ярко эта ревность проявилась, когда он стал выделять из всех её подруг самую старшую, дурнушку, но с красивым, стройным, не по возрасту развитым телом...

Эта хитрая рыжая бестия решила женить его на своей маме, молодой вдове, и даже удосужилась, не спросив его разрешения, притащить свою родительницу к ним. Он ее мамаше понравился с первого взгляда, да и она ему тоже, но не так чтоб уж очень...

Поймав хоть и слабые флюиды его симпатий, эта дура, засучив рукава, ринулась в присутствии девочек организовывать вкусный ужин. Такой натиск и предусмотрительная инициатива вдовушки, её откровенный флирт вызвал у девочек глухое раздражение и ревность. А как же! Впервые его мужское внимание, которое он всегда оказывал юным созданиям, было полностью отдано тетке-старухе. А

после ухода этого семейства дочка устроила истерику, называла его предателем, плакала, что не хочет мачеху, что она наслушалась от подруг печальных историй о злых мачехах и тиранах-отчимах...

Как мог, он её успокаивал, давал обещание пока не жениться и убеждал её, что вечно он холостяком быть не может, он еще молод, что природа требует своего, что это для нее и для её ровесниц он «старый мужик», а для двадцатипятилетних женщин он идеальный партнер и потенциальный муж и отец их детей. Но его доводы никак на неё не подействовали, она умоляла его не жениться, хотя бы до тех пор, пока она не окончит школу и не станет самостоятельной. Она кричала, что мачеха, нарожав ему детей, сживет её со свету, вынудит убежать из дому...

А ей некуда будет пойти, потому что и у родной мамы новая семья и новые дети...

Через неделю, в воскресенье, в дождливый, серый день случилось то, что и должно было случиться... Он стал спать с дочерью.

Первые ночи их близости, кроме страха греха и стыда, ничего им обоим не приносили. И он заметил, что дочь идет на эту жертву с отвращением, что грубая, неприглядная физиология убивает её девичье, светлое понятие о высокой любви, но её безмерное отцелюбие оказалось сильнее. Два года она мужественно несла свой крест, пока окончательно не созрела. А потом вошла во вкус, стала испытывать страсть и наслаждение. Нет, он не развращал её, ну, может быть, самую малость, для того чтобы избежать её беременности.... Он берег её от этого всячески, в ущерб себе...

Так длилось более пяти лет. Круг её подруг сузился до необходимого минимума, она была аккуратна в интимных беседах с ними, неохотно говорила о школьных романах и мальчишках. К сверстникам относилась с иронией, называла их «прыщавыми дураками и недоумками», стала не по возрасту солидной. И, слава богу, что школы были перегружены и классным руководителям, забитым и замордованным трудным бытом, было некогда наблюдать персонально за каждым учеником.

Он тоже успокоился, ощущение греховности его связи с дочерью постепенно стерлось, и свою «семейную жизнь» он начал воспринимать как должное, как нормальное явление, своего рода компенсацию за ту боль, которую причинила ему когда-то жена. Эти пять лет стали для него волшебными – у него, как у Фауста, была вечно юная жена, и если с каждым годом он старел и дурнел, то жена-дочь с каждым годом становилась все краше и желаннее...

Да и не так уж он постарел за эти пять лет! Если быть объективным (а он часто стал смотреться в зеркало), то за эти пять лет он мало изменился, как бы «законсервировался» – в тридцать девять выглядел на все тридцать, а иногда и моложе...

Наступило время, когда он мог свободно ходить с дочкой не только в кино и в театр, но даже посещать с ней кафе и рестораны – публика принимала их за новобрачных. Вершиной их грешной противоестественной любви явился выпускной школьный бал, когда она в белом бальном платье явилась домой ранним утром хмельная, обольстительно красивая, грешная и жадная до ласки. Такой он видел её впервые. Она сама пожелала, чтобы он грубо овладел ею в белом платье прямо в прихожей ...

Потом они ушли в гостиную и распили бутылку крымского шампанского, и она стала играть сначала роль грешной монашки, потом героинь из фильма «Ночи Кабирии» и требовать за свои изощренные ласки денег...

Он подыгрывал ей, но держал ухо востро: во время этих опасных игр так легко забеременеть! Успокоились они только во второй половине дня...

Она уснула мгновенно, а он долго не мог уснуть, и все любовался её

великолепным обнаженным телом, гордился тем, что это прекрасное создание - его творение, был безмерно счастлив, что это творение безраздельно будет принадлежать ему всегда. За это, думал он тогда, можно все отдать, даже жизнь, пойти на любые муки.

Школу она закончила с золотой медалью и без особых усилий поступила в институт. Там она познакомилась с одним старшекурсником и влюбилась в него! А когда позже Лот узнал, что и студентик втюрился в нее по уши, то совсем упал духом. Он понял, что навсегда теряет дочь.

Дочь честно рассказала ему о своем избраннике, дала ему самую лестную характеристику, восторженную и необъективную, заверила его, что намерения студента весьма серьезные и что он готов хоть завтра жениться на ней...

Потом она пригласила жениха домой и познакомила с отцом. Лот долго отговаривал их от женитьбы, просил повременить с семейной жизнью хотя бы до окончания дочерью вуза. Он умолял их проверить свои чувства временем, но жених упорствовал, он упирал на то, что через год получит диплом и уедет по распределению в другой город, и расстояние и время может разлучить его с возлюбленной.

Когда он ушел, то Зилотов впервые в жизни плакал навзрыд, дочь его утешала, как маленького капризного ребенка. Она ему говорила, что окажется благодарной дочерью до конца, что она не забудет его клятву не жениться на другой женщине, что она... будет приходить к нему по-прежнему в постель, будет продолжать заботиться о нем лучше любой жены...

Потом, чтобы окончательно утешить его, она отдалась, но как-то по-особому, деловито и обыденно, как будто делала ему одолжение, как будто кормила его очередным обедом, согласно расписанию. А когда, поднимаясь с постели и направляясь в ванную, она то ли в шутку, то ли всерьез сказала, что она двужильная и что ему не нужно будет искать женщин на стороне и тратиться на них, то этим он был убит окончательно...

С этого злополучного вечера он стал сходить с ума, стал здорово закладывать за воротник и в пьяном угаре вынашивать убийство своего «соперника». Но, как известно, спяну и с похмелья ничего тщательно не обмозгуешь, ничего толком не сделаешь...

Он не убил жениха, он его здорово изуродовал. Люди отбили парня, а Зилотова сдали в милицию. Вначале ему грозила ст. 206, часть III (злостное хулиганство с принесением тяжких, телесных повреждений), но попался молодой въедливый следователь, которому из хулиганки захотелось сделать крупное дело - и он его сделал. В этом ему помогли более опытные коллеги, которые стали глубоко копать в поисках мотивов хулиганских действий Лота! Путем хитрых бесед и допросов они вывели у неопытной дурехи-дочери то, что так тщательно скрывалось ею и отцом на протяжении пяти с лишним лет! Зилотов признал вину свою только частично, «взяв на себя» лишь зверское избиение, вызванное, по его словам, состоянием крайнего опьянения и недоброжелательным отношением к потерпевшему. А совращение дочери и половую связь с ней всячески отрицал...

Но это только усугубило его судьбу. Суд был почему-то закрытым. Судьей была молодая женщина, а прокурором старая дева. Вот они-то и вкатили ему срок на полную катушку! Дочь приносила ему в тюрьму передачи, приходила перед судом на свидание, умоляла простить ее за слабость, которую она допустила под нажимом следствия. Он простил её, и сам попросил у нее прощения за загубленную им юность. На суде дочь отказалась от своих показаний, ссылаясь на давление следователей. Она заявила суду, что её запугали тем, что она будет ославлена на весь вуз и её оттуда вышибут за аморалку...

Но суд не внял этому заявлению, её выступление, как родственницы, не имело

никакого влияния на вынесение сурового приговора...

И вот он сейчас здесь, в ИТК-15. И то, что он рассказал начальнику колонии, не было известно ни следователям, ни осужденным, никому, ни одной душе...

На майора Музыченко исповедь осужденного Зилотова произвела глубокое впечатление. С тех пор он часто, в тяжелые для себя дни, вызывал Лота к себе, и они, словно единомышленники, целыми часами беседовали, «базарили» о жизни.

Эти вечерние разговоры не остались незамеченными для работников колонии. Но на все любопытные расспросы майор отмахивался или же бубнил одно и то же – мол, решил написать книгу о системе самовоспитания осужденных...

Он и в самом деле, когда был трезв, а домой идти не хотелось, пытался закрываться вечерами у себя в кабинете и писать что-то вроде записок начальника колонии, что-то вроде «Педагогической поэмы» Макаренко...

Тогда он велел Зилотову в мельчайших подробностях изложить свою исповедь в письменном виде, для чего, к удивлению всего руководства колонии, снял его с тяжелых работ и устроил в инструментальный цех нижнего склада, разрешил ему ночевать в школе, вместе с завхозом Семеновым...

Кроме этого, многие заметили, что в последнее время майор Музыченко стал проявлять странный интерес к истории самоубийства своего предшественника майора Концевого. В то, что Концевой повесился из-за каких-то своих должностных преступлений, он не верил. Да, была ревизия нижнего склада, приезжали высокие начальники из Сыктывкара, нашли некоторые упущения в производственной деятельности промзоны, сделали внушение Концевому и рекомендовали убрать начальника производства Чутуева... Вот и всё! Но жена майора Концевого, Нина, слегла в психоневрологический диспансер ещё до прибытия в зону ревизоров. Из-за чего у Нины случился нервный срыв и наступила глубокая депрессия?! Почему так круто запил Концевой, отправив жену в Микуньскую больницу? И почему его дочь, сразу же после смерти отца, пошла по рукам вольнонаемных и поселенцев? Откуда у этой двенадцатилетней соплячки появились в ушах золотые серьги и богатая импортная одежда? Откуда у неё модная дубленка и изящные французские сапожки? Неужели? Неужели семейная жизнь майора Концевого проходила по тому же сценарию, что и осужденного Зилотова?! Видно, так. Судьбы повторяются. И «там», в нормальном обществе, и «здесь», в отстойнике нечистот. Неужели судьба не награда и не наказание, неужели она – порождение нашего характера, который мы делаем своими поступками, своими мыслями? А если так, то значит в жизни нет легкой или жестокой судьбы, значит наша настоящая жизнь – это следствие нашего поведения в прошлом и настоящем и причина наших испытаний в будущем. Так какой может быть судьба человека в будущем, если он сегодня ведет скотский образ жизни? Конечно, печальная!

Нет, надо бросать пить, надо браться за работу, надо начинать новую жизнь и собирать, собирать материалы для книги, для статей и заметок в журналы «Социалистическая законность» или «На страже порядка»...

«Надо работать, работать день и ночь, надо взять себя в руки, чтобы не сойти с ума и не совершить какое-нибудь тяжелое преступление!» – вертелась в голове быстро хмелеющего майора Музыченко. Но уходить из шумной, пьяной офицерской компании ему было лень, не хотелось. – Ладно, еще успею, ладно – завтра!»

Покинув шумное, возбужденное офицерское сборище, лейтенант Антонов в коридоре столкнулся с дневальным.

- Хлызов? Ты что здесь делаешь? Подслушиваешь?

-Никак нет, гражданин лейтенант! Подношу полешки к печкам. Подслушивать не в моих интересах. Много знаешь – плохо спишь! Я очень дорожу своим местом, гражданин начальник!

- Смотри у меня! – погрозил ему пальцем Антонов, затем достал из кармана шинели полпачки грузинского чая и, протянув его Хлызову, доверительно попросил:

- Слушай, Хлызов! Когда начальство разоидется, убери кабинет начальника, наведи там порядок, помой полы, проветри помещение. Притащи из каптерки чистую постель и постели мне в красном уголке. Моя квартира за целый день вымерзла, а в гостинице все места заняты. Понял? Да, и еще! До отбоя полчаса, вызови ко мне завхоза школы Семенова, мастера механических мастерских Спилву и этого, как его, бывшего колбасника...

- Понял! Будет сделано, гражданин начальник. Я мигом!

Первым по вызову замполита явился завхоз школы Семенов Альберт, он же – председатель Совета коллектива колонии. Вежливо постучал, осторожно вошел, поздоровался и, как положено, представился:

-Осужденный Семенов по вашему вызову явился!

-Да будет вам, Семенов! Здравствуйте, садитесь!

Семенов поблагодарил и сел на краешек стула, нервно сжимая в руках шапку.

Так поздно, почти перед самым отбоем, для приятных бесед в штаб колонии не вызывают. Крупных нарушений за собой он не чувствовал – накануне выхода на поселение вел себя весьма осторожно. Как завхозу школы ему нечего было волноваться: школу он содержал в идеальном состоянии, не к чему было придраться, но как председателю Совета коллектива колонии, ответственному за своих активистов ему приходилось нервничать довольно часто. Многие из них жили двойной моралью, помогавшей им жить «там», на свободе, и выживать «здесь», в зоне. Он не мог, подобно Каину, беспрестанно твердить начальству: «Я не сторож брату своему», потому что неблагодарная во всех отношениях и по сути «сучья» общественная работа была платой за одну из лучших и престижных должностей в жилой зоне. А он дорожил своим местом, ибо только в школе, во время вечерних занятий, возникала для него милая атмосфера прежней вольной жизни - когда учительницы-жены его грозных начальников - на время становились для него сотрудницами, благодарными, внимательными, участливыми, доверчивыми. И ему нравилось оправдывать их доверие, быть их «рыцарем-телохранителем», провожая их через всю жилую зону к лагерным воротам на КПП...

Замполит Антонов не спешил начинать разговор, собираясь с мыслями, перекидывал с места на место служебные бумаги, потом достал из ящика стола папку-скоросшиватель, перелистал её и, наконец, задал вопрос:

-Семенов, вы, я думаю, уже в курсе сегодняшних событий?

-Конечно, гражданин начальник! Вся зона гудит!

- Гудит? Почему? – удивился Антонов. – Почему такое обычное для этих мест событие вызвало такую бурную реакцию? Подумаешь, один осужденный сошел с ума. Я понял, что для старожилов зоны это стало заурядным явлением...

- Нет, гражданин начальник, сегодняшний факт нельзя назвать заурядным... Он исключительный. Впервые в этой системе при попытке к побегу не был убит осужденный. Впервые его спас офицер МВД! Именно это сейчас бурно обсуждает зона. Вы, гражданин начальник, сегодня стали самой авторитетной фигурой для всего контингента... Я, думаю, что с этого дня ваши планы по улучшению воспитательной работы с осужденными начнут реально воплощаться. Люди поняли, что вы – человек слова и поступка. Все поняли, что вам можно верить. За вами многие зэки пойдут и будут помогать...

- Послушайте, - перебил замполит восторженное объяснение осужденного, - послушайте! Какой побег? Человек просто сошел с ума и вышел из строя... и, не спеша, пошел, не зная куда. Или вы, Семенов, всерьез, как и конвоиры, считаете это побегом?

-Я не психиатр, гражданин начальник, конвоиры – тоже! И то, что осужденный

Разин сошел с ума, надо еще доказать. А правила конвоирования осужденных нужно исполнять не рассуждая...

- Скажите, кто такая Марина Николаевна? – не дослушав Семенова, спросил лейтенант. Завхоз школы опешил.

- Марина Николаевна? - растерянно переспросил завхоз – Гм, это учительница русского языка и литературы... Но я не нахожу никакой связи...

-Как у нее обстоят дела с посещаемостью?

-Хорошо! Класс битком набит учениками...

-Она талантливый педагог?

- Так не сказал бы, – осторожно заметил Семенов - осужденному профессору Герберу она в подметки не годится... Но посещаемость уроков у нее самая высокая...

- А осужденный Разин, Тарзан, регулярно посещает её уроки?

- Да! Но, гражданин начальник, я не понимаю... где связь?

- Дело в том, Семенов, что в его бредовых речах прозвучало это имя. Марина Николаевна подкармливает его? Жалеет? Или он влюблен в нее?

- Нет, не подкармливает и контактирует с ним по существу дела, как с учеником, и не более того...

- Странно, странно, - пробормотал замполит, раскрыл папку-скоросшиватель, посмотрел несколько бумаг, лукаво улыбнулся, заметив замешательство осужденного Семенова, - и проговорил:

- Дело в том, что, по сведениям оперчасти, эта учительница некоторым из своих учеников приносит продукты питания и еще кое-что запретное... Информатор сообщает также, что она, выходя после занятий из школы, выглядит заметно похудевшей – уменьшается объем груди, живота и бедер. Цитирую:... «учительница Назейкина М.Н. проносит в школу в плоских фляжках спиртные напитки и флаконы с одеколоном, которые прячет в бюстгалтер и в трусики».

- Клевета! Грязный, гнусный пасквиль! - воскликнул, бледнея, Семенов. – Я даже могу назвать автора этой гнуси и знаю, чем она была вызвана. Это Валетов - хороший сапожник, но мерзкий человек. По разрешению начальника колонии Валетов сшил для Назейкиной пимы, но за проделанную работу потребовал спиртное и шоколад, а Назейкина, по моему совету, рассчиталась с ним деньгами, чем тот был недоволен...

- Оставим это! Вернемся к Тарзану! Вы, Семенов, замечали раньше за ним странности?

- Да, замечал, гражданин начальник, но не придавал этому никакого значения. В зоне много чудаков, людей со странностями...

- Тарзан влюблен в учительницу?

- Они все в нее влюблены.

- Капитан Азаров утверждает, что эти так называемые влюбленные занимаются мастурбацией, а не уроками.

- Это не совсем так, гражданин начальник! Тайным онанизмом из всего класса занимаются только четверо осужденных.

- Капитан Азаров говорил мне, что были случаи, когда мастурбацией занимались в открытую, и что якобы ваш дневальный истопник, расходуя большое количество дров, создает в классах чудовищную жару, чтобы женщины вынуждены были снимать верхнюю одежду, оставаясь в блузках...

- Чепуха какая-то, гражданин начальник... Я раздражаю капитана Азарова, вот отсюда и все эти предположения! Что же, прикажете учителям и ученикам сидеть в холодном помещении? Ребята за день так намерзнут, что до конца занятий не могут согреться...

-А чем занимается на уроках Тарзан?

- Тем же, чем и все. Внимательно слушает Назейкину, пожирая её глазами.

-Она очень красивая?

-Трудно сказать... для нас, сидящих многие годы за колючкой, нет некрасивых молодых женщин.

-А она молодая?

-Ей около тридцати лет. Странно, что вы её не знаете...

-Я пока половину поселка не знаю. И имею служебные дела только с директором школы и завучем. А они солидные матроны, женщины бальзаковского возраста... И все-таки, Семенов, вы не ответили на мой вопрос. Назейкина красивая?

- Ах, гражданин лейтенант, например, для такого города, как мой родной Минск, она невзрачная, была бы незаметна в толпе. Русоволосая, короткая стрижка, сейчас это входит в моду, челка... среднего роста, но стройная... все на месте... у нее изумительной красоты ноги, классика... как у Венеры Милосской. Тарзан всегда сидел в первом ряду и неотрывно смотрел только на ее ноги и бедра. Мне кажется, что его не интересовало лицо Назейкиной и даже грудь...

-Вы всегда присутствуете на уроках Назейкиной?

-Я обязан всегда присутствовать на уроках, которые ведут молодые учительницы. Я отвечаю за поведение осужденных-учеников. Вам разве это не известно?

- Нет, - простодушно ответил лейтенант, - а, скажите мне, Тарзан на уроках Назейкиной не допускал каких-то nepотребств? Ну, я имею в виду такие, которые хоть как-то намекали бы всем о его психических странностях...

- Нет! Я же уже сказал, он сидел в первом ряду и смотрел на её бедра глазами голодного зверя... Все мы именно так на женщину и смотрим! Чего лукавить?

-А по своей натуре Тарзан зверь?

-Нет! Зверем он становится, когда очень голоден. Не забуду знаменитый погром, учиненный им в столовой... Когда он сыт, то добродушен и мягок, как ребенок, иногда застенчив, особенно в классе с учителями...

-Семенов, как вы думаете, душевная болезнь Тарзана наступила сразу или же постепенно? Как бы накапливалась, созревала, а потом переполненная чаша пролилась? А? Может так?

- Думаю, что постепенно. Полгода назад Тарзан был другим человеком - могучим русским богатырем, гордостью зоны, её, так сказать, чемпионом-тяжеловесом... Комплекция и рост у него были такие же, как и у нашего нарядчика Малыша, но что касается силы, то Тарзан раньше мог нарядчика скрутить одной рукой. А сейчас осужденный Разин явно не в форме. Мне кажется, что у Тарзана завелись глисты или ленточный червь. Вот он сосет из организма все соки, сводит человека с ума вечным голодом. Тарзан как-то весь усох, скукожился, даже стал ниже ростом...

- Да, печально, тут есть над чем подумать, - вздохнул замполит, - ну, что ж, Семенов, вы свободны, идите отдыхать! Спасибо за информацию.

- Не за что, гражданин начальник, – иронически произнес завхоз, вставая и нахлобучивая шапку.

- Да, - встрепнулся Антонов, – вы когда уходите на поселение? Через месяц?

-Да!

- Президиум Верховного Совета Белоруссии так и не снизил вам срок? Ведь у вас нет ни одного нарушения!

-Я пережил здесь трех замполитов. Двое из них отправляли в Минск ходатайства о снижении срока, но, увы, безрезультатно!

- Говорят, что Белоруссия редко кому из своих граждан снижает срок...

-Это чепуха, гражданин начальник! Двум белорусам, отрицательно настроенным осужденным нашей колонии и злостным нарушителям режима содержания, был недавно снижен срок наказания...

-Ларькину и Валетову?

-Я молчу, гражданин начальник.

-И вы думаете, что в делах такого рода наличествует взятка?

-Без комментариев, гражданин лейтенант... Я хочу спокойно и без лишних хлопот выйти на поселение. Хочу адаптироваться, забыть весь этот кошмар. Уходят самые лучшие годы...

-Вы женаты?

-Был, жена взяла развод сразу же после суда. Она у меня - дочь высокопоставленного партийного функционера...

-М-да, - сочувственно хмыкнул замполит и добавил: – Я постараюсь направить еще одно ходатайство о помиловании. Подготовьте прошение, и я дам ему ход. Думаю, что все будет нормально...

-Не буду я больше ничего писать! Надоело! И вы себя не утруждайте, гражданин начальник! У вас сейчас и без меня будет много хлопот и треволнений...

У входа в кабинет Семенов столкнулся с осужденным Спилвой и успокоительно подмигнул ему: всё в порядке! Всё нормалёк!

Спилва, не здороваясь и не представившись, громко, вызывающе спросил:

- Вызывали, гражданин начальник? Я, честное слово, подумал, что дневальный меня разыгрывает...

-Да, вызывал, осужденный Спилва! Садитесь! Как дела?

-Дела как в тюрьме, начальник! – съязвил Спилва, удобно усаживаясь на стул.

-Вы, осужденный Спилва, какой-то ершистый, колючий, как ежик...

- А таким и надо быть, гражданин начальник, а иначе схавают хитрого лиса!

- Вы успокойтесь, Спилва, расслабьтесь. Мы с вами сейчас не о политике беседовать будем...

- А о чем же, смею вас спросить? О правах человека?

- О судьбе человека. О том, как этому человеку помочь. И здесь нужна ваша, так сказать, информация, консультация, а может, даже и совет...

- Даже так, гражданин начальник? Это уже становится забавным. В этих-то самых, что ни на есть, самых «гуманнейших» из мест?!

-Да хватит вам! Не злобствуйте, Спилва. В свою веру вы меня не обратите. Я безнадежный. Я верю только в советскую власть, и больше ни во что. Мне нужен доверительный, простой человеческий разговор. Вы меня поняли?

-Понял. Хотя в плане доверительности и «сердечности» в общении с ментами я, гражданин начальник, всегда был безнадежен. Ведь между нами всегда до самых небес была стена, а за нею пропасть. Но с сегодняшнего дня... именно с вами лично эта стена исчезла...

-Что за стена? Почему сегодня? И почему со мной? Вы о чём?

-Я имею в виду ваш сегодняшний поступок, гражданин начальник, зауважал я вас...

-Какой поступок? Вы о чем говорите?

-О Тарзане я говорю! Неужели не ясно?

-Ах, вон в чём дело! Вот уж пустяк с моей стороны! Это же моя работа! Спасибо, Спилва! Приятно слышать комплименты в свой адрес в этих местах, да ещё от трезвого человека, а не от какого-нибудь вольного алкаша в пивнушке...

- Я с сегодняшнего дня стал вас глубоко уважать, гражданин начальник. И как только стал уважать, так сразу мне вас стало бесконечно жалко. Жалко до глубины души...

- Вы жалеете меня? Вы меня жалеете? – протяжно, нараспев спросил Антонов и залиvisto, сияя белоснежными зубами, от души расхохотался: – Вы меня убили! Спилва, да вы с ума сошли! Ха! Ха! Ха! Ах вы, человеколюбец наш ненаглядный! Ха! Ха! Ха! Послушайте, осужденный, вы мой правдолюбивый, вам надо сейчас себя пожалеть, а не меня, представителя власти. Жалея меня, вы тем самым унижаете

себя! Да, да, мой «новый Христос»! Я всю эту галиматью, всю русскую, буржуазную философию и всё, что с ней связано, воспринимаю как одну сплошную шизофреническую чепуху и сплошное, глупое самоуничужение. Но вы же, Спилва, не такой! Вы, я вижу, совсем другой...

- Да! Я – другой! Другой мешок с дерьмом! Да, я другой, я не такой как все! И не хочу быть таким, как все, и будьте вы все прокляты! И какой я к черту, Христос! Какой к черту, Магомет, Маркс и Ленин? Все они – мудаки! Особенно Ленин! Кто он? Всего-навсего уродец! А глупые бабы, они любят уродов-козлов и вырожденцев! Кто мог бы родиться нормальным человеком от Гитлера, от Троцкого, от Ленина и даже от Сталина? Да никто! Я вообще против сынков знаменитостей, большинство из них самые заурядные люди и баловни судьбы! И на кой они нам? Все мошенники! Все, кто у власти, кто использует себе во благо эти имена, – все аферисты, мошенники, воры, узурпаторы и лжецы!

-Осужденный Спилва! Опять вас заносит не в ту степь! Опять вы о политике! Далась она вам! Ну, вы же умный человек и, как я уже понял, образованный, чрезмерно информированный, зачем вы создаете сами себе искусственные трудности? Зачем вам из каждого пустяка создавать чуть ли не исторические факты? Зачем вам играть роль борца за права человека?! Вы – мастер на все руки! Вот и будьте им! Зачем лезете в политику? Зачем это вам нужно? Ну, это же смешно: сидеть в клетке и бороться за свободу других!

-Это было бы смешно, если б не было так грустно. Клетка, говорите? Иногда заточение становится надежным убежищем. Иногда добро оборачивается злом. Вы допустили сегодня, гражданин начальник, еще одну, вторую, грубейшую ошибку, которая повлечет за собой очень разрушительные для вас последствия...

- Вот как! – перестал улыбаться Антонов. – Любопытно, а когда я совершил первую ошибку?

- В первый день своего знакомства с контингентом, когда вы назначили заведующим библиотекой ИТК-15 московского профессора Гербера...

- Но это же грамотный человек, ученый, преподаватель.... Руководство колонии поддержало меня. С его стороны не было никаких возражений. И капитан Азаров тоже якобы не возражал...

- Ха! Азаров! Якобы не возражал. Ха! Всё это слова, гражданин лейтенант! Вот как раз Азаров и его команда и были в бешенстве от вашей выходки! Запомните, все эти теплые места в зоне покупаются за деньги или другие формы услуг в виде скрытой взятки...

За эти должности идет постоянная, страшная борьба между зэками и их патронами... А вы, гражданин замполит, взяли и назначили просто так новенького, только что прибывшего с этапа осужденного. Вы нарушили сложившуюся за долгие годы традицию этой лагерной системы, вы нарушили ход вещей. Белая ворона внесла в стаю пернатых черных хищников беспокойство и нервозность.

-Осужденный Спилва, не зарывайтесь! Помните, что вы говорите со своим начальником! Вы, как всегда, Спилва, передергиваете факты, нагнетаете на всех жуть! Не надо! Это дешёвый прием! Да! И это всякий может сказать! Этими фокусами вам меня за душу не взять! - твердо возразил лейтенант Антонов.

-Ладно уж вам! Жуть, да жуть! К чему эти слова?! Не я к вам рвался на прием, а вы меня вызвали! Ну, да ладно, я не гордый, мне уже пора не о судьбах СССР думать, а о Мире вечном. Империй много, а итог один – развал и позор! А я о чем? Ах, да, вспомнил! Вторая ваша ошибка была допущена сегодня, когда вы не дали конвою убить осужденного Разина. Да! Его надо было убить! И всем было бы тогда хорошо! А что вышло? На кой хер вы, гражданин лейтенант, вмешались? Ну, зачем это вам было нужно?

-А это уж не вашего ума дело, осужденный Спилва!

-Ах, вот вы как, гражданин начальник, рассуждаете, а я-то, дурак, думал, что между нами будет доверительный, дружеский разговор. Я о другом, гражданин начальник! Я о самом главном! Я о том, что с этого дня вы весьма серьезно испортили отношения с командиром воинской части и с его заместителями... Им же тоже, как и вам, нужно писать хорошие отчеты о деятельности своего подразделения... Господи, неужели вы еще этого не поняли?!

-Да как вы смеете, осужденный Спилва! Что же, Спилва, по-вашему, надо было убить Тарзана? Какой цинизм! И это заявляет мне, замполиту и воспитателю колонии, человек, который сам, как и Тарзан, находится в неволе, за колючкой! - раздраженно вскричал Антонов.- Да, у вас, Спилва, сугубо звериная, уголовная философия!

- Нет! Это философия не моя! Эта философия всего лицемерного, блудливого и брехливого советского общества. Уголовники и продажные политики основали это общество и выработали для него двойную мораль и уголовную философию! Тарзана нужно было бы убить! Именно убить! Вы понимаете, что обществу смертельно необходимо, чтобы кто-то из его членов обязательно, ни за что, ни про что, был убит, что это общество не может жить и дня без этого. Этому миру нужно ежесекундно, чтобы кто-то умирал своей смертью или по воле чужих людей. По правилам игры этого лицемерного общества! Это улучшило бы отчетность батальона! А теперь этого факта не скрывать, как бы ни старалось это сделать местное начальство...

-Да ну, вы что?! Спилва, да разве можно так? Откуда у вас такой апломб, эта самоуверенность, эта наглая безапелляционность? Не смейте со мной разговаривать в таком тоне! – повысил голос замполит Антонов.

-Откуда, откуда, от моих бывших советских начальников! Вот сволочи! Тупые, невежественные, но все они, паскудники, члены партии, хутый-гнутой! Ей-богу, хуже немцев-оккупантов! – воскликнул возмущенно осужденный Спилва.

-Осужденный Спилва, ведите себя нормально и вежливо, иначе будете наказаны, - предупредил замполит Антонов.

-Вы меня вызвали для доверительного, человеческого базара, а сейчас ставите мне свои условия вежливости и добропорядочности. В гробу я их видал! Пусть сначала в высших органах советской власти престанут ругаться матом. Мне не по душе, когда эти партийные мудаки на портретах выглядят как святые, а в жизни, словом, представляют одно говно.

-Спилва, хватит! Перестаньте! Ну, кому это всё нужно?! Оставьте, ради бога, политику, оставьте её! Она вас погубит! Я вас вызвал не за этим! Мне нужна информация об осужденном Разине Николае. Скажите, Спилва, вы всерьез считаете Тарзана психически больным?

-Несомненно, гражданин начальник! В юности я увлекался чтением учебников по психиатрии, кое-что знаю в этой области. Тарзан, по сути своей, в состоянии покоя и сытости – доброе рабочее животное. Но в состоянии крайнего переутомления... Словом, я за ним заметил невроз навязчивых состояний и психостению, маниакальный синдром вплоть до галлюциноза с бредовым возбуждением, сменяющимся иногда на автоматизм. Именно автоматизм, вкупе с навязчивыми идеями, и явили причину того, что случилось сегодня утром.

-Н-да! Убедительно! Весьма грамотный диагноз, осужденный Спилва! Откуда у вас всё это? Откуда же у вас такие познания в психиатрии? - с ехидцей в голосе спросил Антонов.

-А оттуда, откуда и у всех любознательных граждан, гражданин начальник! Из специальных книг, из учебников по психиатрии. СССР - самая читающая страна! В основном советский читатель черпает «информацию» из официальных газет и журналов, где всё разжевано. А вот умные книги и учебники самостоятельно читают

только единицы любознательных граждан. Разница между ними огромная! Самообразованием занимаются только яркие личности...

-Ладно уж, академик-самоучка! Вы когда последний раз брали в руки учебник русского языка? Лучше скажите мне, болезнь Тарзана излечима?

- В нормальных условиях, да! Но не в местных психиатрических лечебницах. Его могли бы в течение двух недель сделать здоровым врачи Московской психолого-неврологической больницы им. Соловьева, что находится близ Донского монастыря. Но, увы, эта лечебница-профилакторий – только для страдающих невротами высших столичных чиновников и партноменклатуры, а не для рядового советского раба, тем более зэка-грузчика. Туда вход и для вас, гражданин начальник, закрыт – уж очень вы для Москвы маленькая фигура. Ладно, ладушки, вы не обижайтесь, ради бога, на меня! Ладно? А возня с этим Тарзаном предстоит большая, ох, большая! Это правда, что его посадили в ШИЗО?

- Да, по постановлению капитана Азарова. Накормили Тарзана до отвала, а потом врач вкатил ему лошадиную дозу снотворного. Целые сутки спать будет. А завтра решим, что с ним дальше делать...

- Что делать – уже ясно, этапировать его в Абезь, в спецпсихушку! А пока я бы посоветовал вам не держать Тарзана в ШИЗО, ему место в санчасти...

- Капитан Азаров боится, что он там учинит разгром...

- Если кормить нормально и успокоительные укольчики делать, то все будет в порядке. А потом - больница. Только так, а не иначе! Загубили человека, будьте любезны, отвечать за это! Надо все-таки не забывать, что СССР подписал Хельсинское соглашение!

-Всё то вы, Спилва, знаете! – ухмыльнулся Лейтенант Антонов.

-Да знаю! И не боюсь сказать этого слова! В цивилизованных странах человека, совершившего преступление, лишают только свободы, другие виды наказания запрещены: избиение, издевательства, каторжный непосильный труд, муки голода. А у нас что? Самая богатая страна в мире содержит в нищете даже своих свободных граждан, не говоря уже о большинстве заурядных зэков. Тех, кто никого умышленно не убил, не обманул и не ограбил! Лес, нефть, уголь, алмазы, ценные руды уходят за бесценок за рубеж, а мы, граждане, этой богатой, но безумной страны ничего с этих богатств, даже рубля не имели и не имеем! И вы мне молодой человек, извините, гражданин начальник, чего-то здесь говорите об этике?! Ха! Народное достояние! Кем оно за нами, всеми гражданами, закреплено, и кто, каждый из нас, имеет свою долю на это общенародное достояние? Никто! Даже вы, гражданин начальник! Это право имеет только партноменклатура и её сынки, их внучата-гаденыши! Они, эти наследники, когда заматереют, они, сучата, еще себя покажут. Они всё возьмут! Всё! Всё народное достояние! А мы, наивные мудаки, жертвы советской идеологии, будем жрать на пенсии ливерную колбасу, да и то по большим праздникам...

-Прекратите! Я кому сказал!? Опять вы, Спилва,! Вы снова мне о том же нашем безнадежном завтра талдычите! Откуда у вас эта безнадега? От вашей философии сойти с ума можно!

-Не от моей философии, а от вашей, советской! От неё уже давно миллионы человек с ума сходят, и будут сходить. Господи, но неужели вам непонятно, что завтрашний день закладывается сегодня?! Уже сегодня у нас здесь, закладывается база неразумия! Уже на пути к безумию осужденный Перепелица Василий, за ним верной тропой идет Скатаров. Осужденный Перепелица посажен в изолятор за то, что ходил босиком в одних кальсонах по снегу! Каково?! В такой мороз...

Замполит удрученно помолчал. Обхватил голову двумя руками, задумался. За этот день он безумно устал и понял, что на составление служебных документов у него сил уже не осталось!

- Вас на всех не хватит! Один в поле не воин. Служите, как все, работайте, как

все, - сочувственно стал советовать Спилва. – Не делайте здесь крутых реформ, не выпячивайтесь. Грамотных, талантливых, инициативных в стране Советов не любят, их ущемляют, от них избавляются...

-Ах, какой вы умный, осужденный Спилва! А я-то, по вашему мнению, наивный дурак, этого самого главного и не знал! Это я знаю. Это я давно знал. Для меня это не ново, - иронически заметил Антонов. – Но, меня Спилва, поражает ваш апломб. Какая наглость!

-Вы, гражданин лейтенант, не обращайтесь на меня, дурака, глупого зэка, особого внимания. Ну, как вам сказать, в любой среде необходимы определенные условия выживания. Ну, на уровне кузнечиков, на уровне бабочек, ну и других, самых примитивных, ах! Ну, ну, на уровне, наших поселковых. Но и сейчас я выступаю наравне с вами, а разве не так? Не я позвал замполита к себе, чтобы облегчить себе душу, а он сам решил...

-Вы это уже мне говорили! Не повторяйтесь! Лучше давайте свои деловые предложения! –раздраженно перебил Спилву замполит.

-Какие к черту предложения? Они стары как мир! Стройте в своей замполитской епархии «потемкинские деревни», создавайте видимость большой политико-воспитательной работы перед высоким начальством из Сыктывкара и Москвы. Ребята-москвичи из нового этапа с художником зоны сделают шикарную наглядную агитацию, организуют временные коллективы художественной самодеятельности, кружки по интересам, откройте читальный зал при библиотеке, завершите ремонт клуба, организуйте на бумаге олимпиады, турниры, курсы «Новая профессия»... И во время визитеров из Политотдела МВД все это запускайте в движение на 1-2 дня. И ребята за лишнюю отоварку в ларьке или внеочередную свиданку вам тут такого сотворят, что глазам своим не поверите...

-На лжи, обмане и очковтирательстве далеко не уедешь, осужденный Спилва! Рано или поздно, а ложь будет разоблачена! Плохой совет вы мне даете! Вы-то сами, как мне говорили, именно за приписки и хищения попали в лагерь!

-А вам, гражданин начальник, уже дальше ехать некуда, разве только за Полярный круг, на Новую Землю. На лжи и обмане вся советская идеология держится. И вам это надо учитывать, еще ни один крупный идеолог не погорел на приписках! Беспроектное это дело – умело сфабрикованная приписка и бойкий, бодрый рапорт к ней. Но, конечно, нужно иметь какой-то маленький задел! И он уже вами сделан! В сущности, вы и так уже много сделали. Вот и продолжайте в том же духе, не разбрасывайтесь, а грязные кучи пусть загребают главный опер Виноградов со своими стукачами и зам по режиму Азаров с надзорсоставом. Это их епархия, а ваша – идеология. Зачем вам эти вертухаи? Держитесь от них подальше, дружите с руководством отделения КП-400 и с УЛИТУ, с чиновниками Косланспецлеса. Приглашайте сюда на ягоды и на охоту нужных людей...

-Советы давать легко, Спилва, особенно такие. Многие ищут дружбы с начальством, но не всегда высокопоставленные друзья приходят в трудную минуту на помощь. Эта истина стара как мир! Вот у вас, осужденный Спилва, тоже были могущественные друзья, а вот не спасли они вас от тюрьмы. Не спасли! – ехидно заметил замполит.

-Моя история особая, гражданин начальник! Не берите её во внимание! Изучите сначала внимательно моё уголовное дело, и тогда поговорим обо мне, - отмахнулся Спилва и продолжил, - а пока еще один мой совет. Бойтесь местных женщин. Лучше найдите себе какую-нибудь одинокую, скромную курочку в Микунь или в Ухте. Местные бонзы сейчас будут ловить случай, чтобы погубить вас как «инородный предмет». В зоне окружите себя верными зэками. Иногда они вам будут неплохим подспорьем. Вам нужны относительно честные информаторы (бескорыстных и объективных людей в этом мире нет). Пока я жив, пока меня не грохнули наемные

убийцы капитана Азарова и нарядчика Малыша, я буду вас информировать и предупреждать об опасности. А когда меня убьют, то советую вам перевербовать информатора оперчасти, расконвоированного осужденного, дневального поселковой гостиницы, бывшего военного юриста Авдеева...

- Спилва, - выйдя из глубокой задумчивости, спросил Антонов, - откуда у вас так много информации? Зачем она вам нужна? Кто вы, доносчик или кляузник? Борец за справедливость или просто от нечего делать склочник? Вы любите этим делом заниматься, вам это интересно?

- Нет, не интересно. Я не кляузник, я борец за права униженного человека. Люди сами несут мне информацию. Многие понимают, что без информации я бессилён помочь им в трудную минуту. Важные факты я фиксирую, мелочь, бытовщину, сплетни, наговор и клевету не выслушиваю. Я, гражданин начальник, не клеветник, я в зоне главный консультант по защите прав человека. Вот и все... Вы хотели искренний разговор – вы его получили!

- Вы и Тарзана консультировали? Например, как добиться бригаде усиленного питания? Кому направить жалобу на руководство колонии?

- Да, - честно признался Спилва.

- За вознаграждение?

- Нет! Из чувства справедливости и милосердия... Я знаю, сколько трудолюбивых, бесхитростных, добросовестных молодых мужчин сгинуло в первый же год на Беломорканале. Чем честнее трудишься, тем скорее умираешь, а другие на твоём труде жируют... Кстати, у нас в колонии (как в других, не знаю) вошло в моду не платить работягам за проделанную работу, за чудом перевыполненный ими план. Нигде в мире такого безобразия нет. Раньше занижали объём выполненной работы, сейчас стали вообще не оформлять наряды или оформлять их через подставных лиц...

- Спилва, вы свободны, - устало прекратил гневную речь осужденного замполит Антонов. – Об этом в другой раз, а сейчас отдыхайте... Последний вопрос: с кем чаще всего общался Тарзан?

- С моим соседом по койке Скумом Иваном...

- Осужденный Скум по прозвищу Колбасник?

- Да, он уже давно здесь. Здесь в штабе. В коридоре толчется, с Хлызовым о чем-то «базлают»...

- Скажите ему, пусть войдет.

Внешность осужденного Скума произвела на замполита неприятное впечатление: тяжелая, размеренная походка, каждое движение выверенное, как у робота, тяжелый, холодный, почти не мигающий взгляд, лишенное мимики лицо, неподвижное, как восковая маска.

Казалось, что ни одна живая душа не пожелала бы иметь такую суровую оболочку. Лицо было зеркалом сущности осужденного Скума: глядя на него, становилось ясно, что этот субъект не знает ни жалости, ни сострадания, ни даже простого участия. Говорил Скум медленно, обдумывая каждое слово. Ответы были краткими, слова вываливались из тонкой ротовой щели одно за другим, как довески...

- Скум! Вы знаете, что сегодня осужденный Разин сошел с ума?

- Знаю... все знают... а мог бы быть... хорошим забойщиком скота... на мясокомбинате...

- Вы замечали за ним раньше какие-то странности, ненормальность?

- Нет... обычный мужик... богатырь... у нас на комбинате все забойщики и разделщики такие...

- Вы часто с ним встречались?

- Он часто ко мне бегал... с заваркой... любил слушать мои рассказы о колбасном цехе... как колбасу делают, какая самая лучшая, а какую и есть нельзя – желудок посадишь... Он мог об этом целыми днями... слушать. А мне-то что? Сядем. Чифирнем. Мужики подсядут и слушают, но я больше для Тарзана старался... Я ведь как лучше. После отсидки, говорю, иди-ка, кореш, к нам на комбинат, там всегда с набитым брюхом ходить будешь. И баб там дебелих много, охочих до баловства с мужиками, пруд пруди... Вот и все, гражданин начальник, больше сказать нечего...

- Нет, не все, осужденный Скум! Не все! Вы сами-то кем работали на мясокомбинате?

- Я там десять лет потел! Весь технологический процесс прошел, - самодовольно продолжал Скум, - начал с забойщика, работал по разделке туш, потом в цехе созревания массы, а в последний год - технологом в спеццехе.

- Это что за цех?

- Колбасы делали для спецраспределителей, для ЦК КПСС и Совета Министров.

Замполит раскрыл серую папку-скоросшиватель и просмотрел несколько тетрадных листочков, исписанных корявым подчерком...

- Вот смотрите, Скум, это записи ваших «лекций», изъятые у осужденного Разина... Так, вот рецепт салата из одуванчиков и сырой свеклы на растительном масле... Так... суп из речных ракушек – перловка, жареные камышовые луковички... А вот, нашел! Какое мясо вкуснее всего... Что дает мужскую силу. Это ваши советы! Теперь, осужденный Скум, скажите, зачем вы вели с явно больным человеком такие вот непотребные разговоры? Зачем?

- Какие разговоры?

- Непотребные, мерзкие, людоедские! Вот, зачитываю: «Самое вкусное мясо, самое сладкое – из ягодиц девушек от 16 до 18 лет. Окорок юной девушки лучше всего пускать на шашлык. Такое мясо можно даже не вымачивать в вине или уксусе. А еще можно из ляжек девушек делать окорок сырого копчения, заранее выдержав его в соленом растворе в течение семи дней»... А вот еще один рецептик для импотентов: «бычьи яйца надо жарить сразу же на кипящем внутреннем жиру, после забоя еще теплыми, но чтоб внутренность была с кровью, немного сыворотой. Это лучше конского возбудителя...» Это что за гадости, осужденный Скум? Отвечайте!

- А что? Ничего тут преступного нет. Это ж вам не антисоветская пропаганда... А так. Пустой треп... для ржачки. Я рассказываю, а мужики ржут... Если б вы знали, гражданин лейтенант, о чем базарят другие мужики. На то она и зона... Подумаешь, уже и сказать ничего нельзя...

- Вы, заведомо зная, что Тарзан психически ненормален, умышленно провоцировали его на людоедство, играя на его мании вечно голодного желудка. Вы хоть представляете, чем это могло бы кончиться? Убийством!

- Да уж прямо! Кончилось тем, с чего и начиналось. А если вы такой сердобольный, то что же вы тогда не устроили Тарзана работать в столовой?.. Работал бы в столовой, жрал бы вдоволь и был бы нормальным.

- Молчать! Можете идти, но помните, Скум, я вас взял на особую заметку. Вы - опасный человек! С такими «знаниями» вас рискованно выпускать на поселение, вы там все живое пустите на колбасу! Да!

Отпустив колбасника, замполит Антонов все же нашел в себе силы поработать над служебными документами. Но работа над ними была непродуктивной. Мысли разбегались, стала болеть голова. Незадолго до полуночи запер кабинет и пошел спать в красный уголок. Встретив в коридоре истопника Хлызова, сунул ему в руки полпачки индийского чая и велел не спать и всю ночь до подъема топить печи.

В красном уголке на широком длинном столе под портретом Ленина была уже постелена постель. Антонов сбросил шинель, разулся, разделся до нижнего белья, с

головой накрылся лагерным одеялом и стал быстро погружаться в сон... Быстро промелькнули события уходящего дня, лица, лица, лица... потом чей-то ехидный женский голос шепнул ему ласково: «Вот и стал ты, Федор Николаевич, опускаться, голубь ты мой ясный! Красавчик! Красавчик, мой желанный! Сладкий мой, ненаглядный!» И под эти волшебные, воркующие, нежные слова Антонов быстро уснул.

В это студеное январское утро мне было холодно летать над зоной. Но я почему-то решил навестить штрафной изолятор, душа моя болела о несчастном Тарзане: как он там, бедняга? Выведут его на работу, или сжалются, определят хотя бы на время безумного богатыря в санчасть?

Свой полет я проделал поэтапно, сначала из жилого барака залетел в штаб колонии и немного согрелся около печи в коридоре, потом перепорхнул на КПП, там было не тепло, а даже жарко. А когда заступила смена караула в ШИЗО, я, усевшись на шапку сержанта Чурило, благополучно добрался до камеры Тарзана. Почему-то обход штрафного изолятора, сержант Чурило начал именно с камеры богатыря зоны. Смену сдавал прапорщик Лахоня

-Ну, как наш зверь? Не бушевал? – спросил своего сменщика сержант Чурило.

-Нет. Дрых, зараза, всю ночь как сытый кот! Попробовал бы он у меня хипишнуть, я б ему, падле, в миг бы яйца оторвал! – засмеялся довольно Лахоня и со всего размаха ударил сапогом в живот лежащего на полу Тарзана. – А ну встать, животное! Встать, кому говорю! Встать, сука! Разлегся тут как на пляже, вошь вонючая! Встать, кому говорю!

Тарзан только сморщился от боли, но не встал с бетонного пола. Это меня обрадовало, и я легко оттолкнулся от шапки сержанта Чурило, закружил нервно под потолком мрачного узилища. «Не трогайте его! Не бейте его! – закричал я во весь голос, но никто меня не слышал и не видел. Нет! Ошибаюсь! Меня заметил только один безумный Тарзан.

-Стрекоза! Стеклянная стрекоза! Какая красивая! Красивая! Как Грета! Посмотрите, стрекоза стеклянная летает! Чудо то, какое! Стрекоза! Смотрите! – стал бубнить восторженно Тарзан, указывая грязным пальцем на потолок холодной камеры. – Стрекоза! Грета привет передает! Марина Николаевна привет передает! Замполит Антонов весточку шлет! Картошка! Жареная картошка! Это хорошо! Ваня кушать хочет! Ваня очень жрать хочет! Ване жрён нужен! Ване очень жрен нужен! Стрекоза! Да! Вот она! Вот, чудо! Чудо какое!

-Ах ты, сволочь! Косить под дурака задумал! Мы тебя щаз вмиг вылечим! А ну вставай на работу, тунеядец! – заорал сержант Чурило и изо всей силы всадил под грудь безумного гиганта свой острый сапог. – На работу, мразь! Выходи, на развод, падаль вонючая!

Я стал метаться под заиндевевшим потолком еще быстрее чем прежде, как мотылек перед раскаленной лампой, и стал кричать во весь голос, взывая к сознанию безумного гиганта: "Ваня, стань, и убей их! Убей!"

Но Ваня Разин не встал, он не видел своих врагов и обидчиков в милицейской форме, своих начальников и властителей его судьбы. Он не видел их, для него они не существовали на этом свете, а если и существовали, то не как люди, а как источник его страданий и боли. Ваня видел в настоящий момент только меня – стеклянную стрекозу каким-то чудом, витающую под потолком штрафного изолятора в студеную январскую пору, когда никому из мира летних насекомых и растений нет, и не может быть жизни.

Конечно же, если бы Ваня Разин встал, собрался бы с силами, он мог бы за несколько секунд свернуть головы этим двум ментам-дегенератам. Странно, что они этого не осознавали, не чувствовали опасности.

Но для меня странным было другое. Эта вот рабская робость Вани Разина перед этими, в сущности, ничтожными, трусливыми и слабыми людишками. Что стоит богатырю задушить своими руками двух уродов? Без применения холодного и огнестрельного оружия? Что мешало Ване Разину по прозвищу Тарзан? Безумие? Может быть. Но тогда, спрашиваю я себя и всех, кто меня окружает, отчего мы, считая себя нормальными, боимся, не хотим, и даже не желаем, имея все возможности для мести, убивать своих обидчиков, насильников, врагов? А? А может и мы, такие же безумные, как и тот же самый Тарзан? Можно иметь много физических сил, но и быть при этом бессильным человеком. Вполне можно, если душа твоя смертельно больна, если её у тебя украли, если её незаметно для тебя самого убили...

-Безполезняк! Тарзан, в самом деле, вольтанулся! – процедил лениво Лахоня и добавил с нескрываемой ненавистью. – Сучий потрох, этот замполит Антонов! Жили мы без него нормально, а сейчас приходится всякой фигней заниматься! Педагогика! Воспитание! Самовоспитание! Тьфу, зараза, хутый-гнутый!

-Стрекоза! Стеклянная стрекоза! – продолжал твердить безумный Тарзан, но дежурные по ШИЗО не обращая на него никакого внимания, стали запирать двери камеры. Я понял, что и мне здесь делать уже нечего. Как смог я утешил несчастного Тарзана...

А на большие подвиги, хотя бы на бунт, не был способен и сам Тарзан, ибо он был безумен.

-Стрекоза-стрекозочка, не улетай, а? Не улетай, родимая, не улетай! Мне плохо здесь без тебя! – всё бубнил и бубнил Ваня Разин по прозвищу Тарзан и тянул ко мне грязные руки.

А мне плохо было быть наедине с безумным, могучим гигантом. Мне стало очень плохо, так плохо, что я заплакал от бессилия, резко взмахнул руками и вылетел прочь из смрадного узилища на пахучий жесткий морозный воздух. В один момент я покрылся инеем, движения рук замедлились, а с ними и замедлился мой полет над зоной.

«Мне конец! Сейчас упаду на желтый от мочи и соплей сугроб и замерзну как самая последняя муха. Не спасусь! Не спасусь! Погибну! Mamочка, родненькая, спаси меня! Mamочка, спаси! Ни на кого нет надежды, не за кого уцепиться, только за тебя, мамочка моя дорогая! Mamочка, моя! Спаси! Спаси меня! Видишь, какие они все страшные и беспощадные!»?

Из последних сил добрался до своей уже остывшей постели, укрылся жестким одеялом с головой, и уснул мертвецким сном, тем сном, который не дает нам окончательно сойти с ума...

=====